

САМОСБОР

Игорь Лосев

Самосбор

«Крафтовая литература»

2022

Лосев И.

Самосбор / И. Лосев — «Крафтовая литература», 2022

ISBN 978-5-6046114-8-7

Бесконечная хрущевка. Тесные жилые ячейки-квартиры, разбитые лампочки на лестничных пролетах, скрипучие кабины лифтов. Здесь честно трудятся и торгуют краденым, заботятся о близких и пишут доносы на соседей, сражаются, губят и спасают, гибнут за идеалы и ни за что. Здесь дефицит и жизнь по талонам, здесь тайные эксперименты ученых и темные культы сектантов, здесь абсурдные приказы и расстрелы без суда и следствия. Неважно, простой ты работяга или сотрудник НИИ, хитрый спекулянт или ликвидатор с огнеметом. Всех объединяет одно: когда воют сирены — надо бежать. Бежать от того, что придет вслед за фиолетовым туманом и запахом сырого мяса. Прятаться за дверь в надежде услышать спасительный лязг гермозатвора. Ведь в бесконечных коридорах грядет нечто хуже смерти. Грядет САМОСБОР. Книга содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-6046114-8-7

© Лосев И., 2022

© Крафтовая литература, 2022

Содержание

Предисловие	6
Ходить по потолку	8
Судьба	29
Крыша	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Олег Савошик, Александр
Ильющенко, Юрий Данилов, Игорь
Лосев, Елена Астахова, Ирина
Невская, Александра Свидерская
Самосбор**

Издательство Крафтовая литература
Экспериментальный тематический сборник «Самосбор»

* * *

Предисловие

Бесконечная хрущевка. Тесные жилые ячейки-квартиры, разбитые лампочки на лестничных пролетах, скрипучие кабины лифтов.

Здесь честно трудятся и торгуют краденым, заботятся о близких и пишут доносы на соседей, сражаются, губят и спасают, гибнут за идеалы и ни за что. Здесь дефицит и жизнь по талонам, здесь тайные эксперименты ученых и темные культы сектантов, здесь абсурдные приказы и расстрелы без суда и следствия.

Неважно, простой ты работяга или сотрудник НИИ, хитрый спекулянт или ликвидатор с огнеметом. Всех объединяет одно: когда воют сирены – надо бежать. Бежать от того, что придет вслед за фиолетовым туманом и запахом сырого мяса. Прятаться за дверь в надежде услышать спасительный лязг гермозатвора.

Ведь в бесконечных коридорах грядет нечто хуже смерти.
Грядет САМОСБОР.

Вступление. За закрытыми гермами.

2018 год. Некий аноним загружает на Двач пост:

ЖИВЕШЬ НА 556 ЭТАЖЕ СТРОЕНИЯ П-46
@
ВЧЕРА НОЧЬЮ ОПЯТЬ БЫЛ САМОСБОР
@
ЗАХЛЕСТНУЛО ДАЖЕ ТВОЙ ЭТАЖ
@
БОИШЬСЯ ВЫХОДИТЬ В ПОДЪЕЗД, ПОТОМУ ЧТО ТАМ КТО-ТО СТОНЕТ
@
ЛИКВИДАТОРЫ ПРИБУДУТ В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ ЧЕРЕЗ ПАРУ ЧАСОВ
@
В КОМНАТУ НАЧИНАЕТ ПРОСАЧИВАТЬСЯ ЗАПАХ СЫРОГО МЯСА

И тут понеслось.

Сеттинг моментально обрастает обширным легендарием, все новые и новые безымянные авторы наполняют его жизнью сначала через бугурт-треды, а после и через короткие рассказы-зарисовки. В 2018-м у зарождающейся вселенной было чуть больше сотни активных поклонников, сейчас фанаты в крупных сообществах исчисляются тысячами. По «Самосбору» рисуются арты, пишутся рассказы и стихи, снимаются короткометражки, как минимум одна команда занимается производством игры.

И в то же время у «Самосбора» до сих пор нет четко прописанного, «железного» ЛОРа. В чем феномен?

Гибкость внутренних правил мира компенсируется базовым каноном: тремя столпами, которые не принято нарушать.

1. Действие происходит в Гигахруще, откуда нельзя бежать.

Бесконечная хрущевка – единственное пристанище для героев, они рождаются и умирают здесь без малейшей надежды выбраться или получить достоверные сведения о внешнем мире. Да и есть ли этот мир? Кто, когда и зачем построил Гигахрущ? Никто уже давно не пом-

нит, а если и врет, что помнит, это дает богатую почву для местного фольклора и фальсификаций.

Несмотря на всю свою абсурдность, невозможность, гипертрофированность – Гигахрущ узнаваем.

Ковры на стенах, разбитые лампочки на лестничных площадках, лифты с оплавленными кнопками – узнаваемы. Сосед-наркоман, от которого никогда не знаешь, чего ждать, или спятивший дед с нижнего этажа – узнаваемы. Абсурдные приказы «сверху», бюрократия и самодурство власть имущих – узнаваемы. Даже доносы, дефицит и жизнь по талонам узнаваемы, пусть далеко не все из нас подоברались к девяностым в осознанном возрасте. Целая эпоха не могла пройти бесследно, она осталась с нами, впиталась в наши дома, в разговоры родителей, в воспоминания бабушек и дедушек. Она – узнаваема.

2. Самосбор можно пережить только за исправной гермодверью. Его невозможно постичь или уничтожить.

Он случится. Рано или поздно, всегда не к месту. Никто не знает, когда именно и как долго он продлится, какие последствия оставит. И это вечное ожидание, предчувствие неизбежного, непредсказуемого сопровождает героев в каждой истории. Оно повлияло на их быт, их работу, их скудные развлечения, даже на ход их мыслей.

И это напряжение передается читателю. Это почти «дверь Хичкока» – когда нам даже не обязательно знать, что же там, за гермой, происходит во время Самосбора. Может, нам вообще лучше этого не знать.

3. Безысходность – основа антуража.

Здесь нет ни роялей, ни кустов. Никто не придет спасать. Никто ни за что не несет ответственности, никто не даст объяснений. Да и мало кому нужны эти самые объяснения, мало кто осмелится искать смысл, пригреть надежду.

Лучше не тратить время на ерунду, а лишний раз проверить надежность гермозатвора и позаботиться о том, чтобы получить следующий паек вовремя.

Гибкость ЛОРа, помноженная на фантазию и мастерство автора, позволяет создавать уникальные произведения на стыке разных жанров. Здесь старенькое, хриплое радио может соседствовать с голограммой, а из вентиляции слышится шепот древних существ, вызванных темными ритуалами.

Здесь легко обнажаются остросоциальные проблемы, выставляются напоказ во всех оттенках серого.

Когда мы проводили отбор в этот сборник, то не ставили авторам ограничений, кроме трех каноничных столпов, указанных выше. И это помогло нам собрать под одной обложкой по-настоящему разные истории с многообразием сюжетов и судеб. А также это снизило порог вхождения для новичков, ведь мы понимали, что нас будут читать не только поклонники вселенной.

Знакомство с Самосбором может начаться именно с этой книги. Не обязательно заранее штудировать материалы по сеттингу для удовольствия от чтения.

О преданных фанатах мы тоже не забыли и гарантируем, что каждый рассказ пропитан духом «Самосбора» и соответствует главной идее.

Остается лишь взять книгу и пройтись вместе с нами по этажам.

Олег Савоцик, составитель

Ходить по потолку Александр Ильющенко

– Добрый цикл, товарищи стажеры! – На выходе из шлюза нас встречает сияющий улыбкой плешивый дядечка в ослепительно белом халате. – Добро пожаловать в НИИ Слизи! Вы должны гордиться – Партия направляет в наш НИИ лучших учеников, кто заканчивает учебные блоки с отличием в области биологии и химии!

Мы – дюжина молодых специалистов, вчера получивших свои дипломы в учблоках, – ошалело озираемся и ощупываем на себе свежевыглаженные белые халаты, шапочки на волосах, теребим резину перчаток. Мы шуримся от съедающего тени света, белизны пластиковых панелей и сверкания разноцветных диодов. Никто из нас с рождения не видел подобного. Высоченный потолок вызывает ужас, как и шипение ионного душа в шлюзе. Шум аппаратов оглушает, а незнакомый запах чистоты и стерильности кружит голову не слабее грибного самогона.

Плешивый продолжает тараторить:

– Знаю, многие из вас хотели стать врачами и слегка разочарованы. Но рано расстраиваться! Партия распределила вас по рабместам согласно результатам выпускных экзаменов и профориентбесед. Ваши способности были тщательно проанализированы, так что скоро вы поймете, что ваше место – здесь. Исследовать последствия Самосбора, находить лекарства от заражений, разрабатывать детекторы ОВС...

Я вздрагиваю. Да уж, давно пора. Толковых детекторов остаточного влияния у нас нет – датчики работают только на приближение Самосбора. А вот того, что мои родители, однажды слишком рано выйдя из ячейки после зачистки, вернулись с работы двумя комками лиловой рыхлой массы – этого никто предугадать не мог.

Однако насчет врачей он промахнулся. Не знаю, как остальные, а я всегда хотел заниматься физикой. Но раз уж Партия никогда не ошибается, надеюсь, меня назначат работать на физические анализаторы. Вон их тут сколько.

Дядечка водит нас вдоль микроскопов, вискозиметров, спектрофотометров, биореакторов и испещренных цифрами экранов. Он объясняет назначение этих приборов, о которых мы из УБ знали только названия, и трещит, захлебываясь от восторга:

– Также вы будете изучать свойства и характеристики слизи – в различных отделах НИИ используется от семи до девятнадцати ее классификаций. Вот какое многообразие форм таит в себе эта, казалось бы, неказистая субстанция!..

– Да уж, до самого Бетоноворота изучать можно, – иронично хмыкает светловолосый парень рядом со мной.

– Бесконечно изучать, гм, да. – Дядечка кивает с натянутой улыбкой. – Бесконечное многообразие свойств! Из некоторых видов слизи можно делать лекарства, из других – еду, из третьих – да-да, к сожалению, даже наркотики...

– О, так можно будет на работе говняк варить?! – хихикает блондин.

– Гм, вряд ли. – Улыбка становится совсем вымученной. – У вас, товарищи, и без того будет много задач. К тому же использование рабочего оборудования в личных целях...

Светлый закатывает глаза и громко вздыхает. Меня не покидает ощущение, что скоро мы кого-то не досчитаемся.

Потом нас перепоручают толстому мужчине с черной бородой, совсем не похожему на ученого. Мы все впервые в жизни видим толстого человека, поэтому лупимся на него во все глаза, прослушав половину того, что он сказал. Я запомнил расположение чистых помещений и что огромный – этажей пять в высоту – зал НИИ, облепленный по стенам кабинетами, как гри-

бами, автоматически герметизируется при первых звуках сирены, поэтому Самосбор работникам не грозит.

Затем он ведет нас через другой шлюз в купол поменьше в центре НИИ. Здесь свет горит еще ярче, вдоль стен выставлены шкафчики с костюмами химзащиты и противогазами, а в центре находится стеклянный куб размером с жилище, в котором стоит странный шкаф с кучей ящиков, стол и очередное незнакомое оборудование.

– А это наш банк слизи. Коллекция образцов. Черная слизь, бурая слизь, зеленая, красная, белая... Доступ согласовывается с завинститута, утверждается номенклатурой – сложный протокол, вам этого знать пока не нужно. Вот и товарищ профессор Вихров целую декаду ждал разрешения на получение нескольких образцов в НИИГРАВ.

Он указывает на фигуру в химзе, держащую на столе контейнер, в который двое лаборантов помещают пробирки с образцами, осторожно отбирая их из ячеек.

– Бюрократы клятые, – фыркает блондин.

– Ради безопасности, – жмет плечами толстяк. – Многие образцы крайне токсичны, мутагенны, источают ОВС. Стоит им опрокинуть пробирку – сработают детекторы и...

Он указывает на трубки, торчащие из четырех нижних углов комнатки и направленные в стол – дула огнеметов. По группе пронесется нервный шепот.

Я с интересом рассматриваю Вихрова. Невысокий, крепко сбитый. Все. Стекла противогаза бликуют, не давая определить ни цвет глаз, ни возраст сотрудника НИИГРАВа.

Из всех исследовательских институтов Гигахруща этот – самый загадочный. Его окутывают тайны мрачнее, чем те, что витают над пресловутым НИИ Слизи. Про последний-то каждый ребенок знает, а вот НИИГРАВ некоторые жители до сих пор считают легендой. Место, где изобрели гравижернова – шутка ли! Интересно, зачем им нужны эти образцы?

– Системы безопасности НИИ Слизи, – чеканит белообрый шутник, – самые гуманные системы безопасности в Гигахруще! Спасибо, родная Партия!

– Вы, кажется, товарищ Малахов? – прищуривается толстяк.

– Аг-га...

– Мы передадим ваш отзыв наверх. Партия прислушивается к мнениям граждан о рабочей среде. Это крайне важно для руководства социалистическим обществом.

Остаток инструктажа проходит в тишине.

* * *

В очередной раз возвращаюсь с работы. Не оборвался лифт, не настигли на лестнице сирены, не прирезали беспризорники. Цикл прошел удачно.

Света с Теплиц еще не вернулась. Я вытаскиваю из холодильника пищебрикет, дергаю ленту на упаковке. Брикет шипит, нагреваясь. Кидаю его в миску, тыкаю кнопку радио – молчит. Сдохли, значит, батарейки. Меланхолично дожевываю пищконцентрат, напоминающий по консистенции клей. Достаю с антресолей банку мха, открываю герму, выхожу в коридор.

Мох новый насобираю. Нашел недавно хорошую полянку между 122-ым и 123-им. Каждую декаду на полстены разрастается – хоть ложкой жри. Без мха мы еще пару циклов потерпим, а вот без радио – никак. Хоть «Вестник Хруща», хоть радиоспектакль «Федя и волшебные грабли». Я бы и бетоноворотские проповеди врубил, если б знал, на какой волне. Лишь бы этих придурков за стенкой не слушать.

Вот они. Опять свои частушки затянули. С припевом народного творчества.

– Папа – плесень, мама – слизь,
Ликвидатор – в ро...

Хлопает герма за спиной. Иду по коридору, оставляя судорожный пляс гармошки за спиной. Этих братьев Лазукиных когда-нибудь заберут. Терпят, пока они барыжничают, но скоро надоест. Все мы были панками и хаяли свою тоскливую жизнь, ругали Партию, пьянствовали и дебоширили. Но от их криков аж штукатурка сыплется.

Я тоже осиротел рано – и ничего. С катушек не еду, говняк не курю. Женился, работаю в НИИ, спирт почти не употребляю. Еще немного – даже на чайный гриб накоплю, уже в Бионете присмотрел банку на сто первом – всего на десять этажей ниже. А Партию хаять лучше молча – этому меня еще случай с Малаховым научил.

Здоровуюсь с этажником дядей Витей. Он кивает мне и продолжает мести пол, шаркая протезом. Подслеповато щурясь, смотрит на банку в моей руке.

– Мох, чо ли? – тычет в нее кривым пальцем. – Две декады его не видал. Уже и желудок подводит без этой... клетчатки-та.

– А у нас завалились тут... излишки.

Он крикает, оценив шутку.

– Дядь Вить, а у вас батареек к приемнику не будет? Я бы вам эту банку...

– Целая пачка будет! Пойдем, Павлик, пойдем. Как работа твоя?..

Его лысина блестит в болезненном свете тусклых лампочек. Он хромает – протез не смазан, скрипит и не сгибается. Трясущимися руками достает ключ, с третьей попытки открывает свою герму. «А если Самосбор?» – ужаснулся я. И это этажник! Почетный член общества! Красный концентрат получает!

Я рассказываю, что вырос до МНСа за гигацикл, все ковыряюсь в слизи, выдаю образцы командированным из НИИГРАВа, рискуя поджариться при малейшей ошибке, красный концентрат получаю раз в квартал. Соседи-панки задолбали, дебилы. С женой все хорошо, спасибо, дядь Вить. Детей планируем. Боимся, а куда деваться. Это самое ценное, что мы можем сделать. Для общества, естественно. И для Партии, да. Очень смешно.

– А на соседей не сердчай, Павлик, – примирительно поскрипывает дядя Вить. – Они так тоску топят. У всех свои средства-то!

Ясное дело, дядь Вить. Ты ж сам к ним иногда на самогон заходишь.

В жиличке кидаюсь к приемнику, пока сквозь стену опять визжит гармошка и заходит пьяный рев:

– Встретил Изию впотьмах
Ликвидатор Федя,
И червяк в его штанах
Стал бетоноедом!

Судорожно снимаю крышку, впихиваю батарейки, выкручиваю громкость на полную – ничего. Радио сдохло. В сердцах разбиваю приемник об стену, грязно ругаюсь. Входит Света. Ни слова не говоря, собирает осколки на совок, несет к мусорке.

– Оставь, – говорю. – Детали продам. Сломалось. Придется дураков этих слушать пока. Чего задержалась-то?

– Валька с ТЖ-10, – вздыхает она, – сорвалась в лифте по дороге. Норму дорабатывали без нее.

Так проходит остаток цикла. Света греет концентрат, потом идет в ванную. Я ковыряюсь в останках приемника: осторожно скусываю ценные транзисторы, остальное выбрасываю. Загружаю объяву в Бионете. Много за детальки не выручишь – может, парочку пищебрикетов. Но тоже что-то.

Когда выключается свет, мы шаримся глазами по трещинам потолка, лежа на скрипучем матрасе, и пытаемся мечтать. Обычно мы строим планы: как бы переехать, или что бы выменять, или как бы мне перевестись в НИИГРАВ. А тут на Свету нападает меланхолия:

– Паш, а что за той стеной? Которая не в коридор ведет и не к соседям?

– Другая ячейка. В другом блоке. Туда идти минут тридцать.

– А за ней?

– Еще одна. Или коридор. Или завод. Может, даже заброшенный. Или вообще забетонированный этаж.

– А как думаешь... Есть что-то... совсем-совсем снаружи? – шепчет она взволнованно.

– Э-э-э... Как это?

– Ну где-то ведь кончаются все эти ячейки, заводы и все... Что там?

– Пустота, – пожимаю я плечами. – Что там может быть? Если только царство вечного Самосбора.

– Ужасно. – Она вздрагивает. Придвигается ближе, скрипнув пружинами матраса. – Нет, послушай. Вот коридор – он снаружи нашей жиличейки. А снаружи коридора?

– Лестничная клетка.

– А снаружи вообще всего?.. Всех этих коридоров, лестниц, лифтов... Вдруг где-то есть край Хруща? А за ним – все другое? Там просторно и сыто, коридоры широкие, как заводы, а жиличейки как...

– Как коридоры. А жители размером с бетоноед, а крысы – размером с жителя, а тараканы – разме...

– Фу, Паш, какой ты мерзкий. – Света уязвленно фыркает и отстраняется. Понимаю, что ее задел.

Глажу ее по ломким волосам. Ведь она любит меня такого – язвительного и угрюмого никчемного младшего научного сотрудника никчемного НИИ Слизи. Что ж. Зато я умный, как когда-то говорила мама.

– Света, ну это еще в учблоке было. Гигахрущ бесконечен. Вернее, зациклен. – Я чешу подбородок, припоминая аналогию. – Мне один командированный на пальцах объяснял. Вот у тебя есть коридор. Если ты пойдешь по коридору, то упруешься в стену. Если каким-то чудом пойдешь по стене – упруешься в потолок. Пойдешь по потолку, потом по стене и вернешься туда же, откуда начал. Вот и Хрущ так же замкнут на себя в тысячах физических измерений.

– Значит, навсегда так?.. – Света грустно вздыхает. – А было бы здорово жить в мире, где много растений – как у нас в Теплицах, только без этого дурацкого розового света. И ничего не ломается... И пол покрыт... нет, *состоит* из почвы!..

Моя очередь вздрагивать. Такого кощунства я даже вообразить не могу. У нас тут этажники каждый совочек с пылью запаковывают и в НИИ Почв отправляют или сразу в Теплицы – где из них эту почву месят, сам не знаю как, – я ее в жизни не видел. А тут – целый пол!..

– И потолок высокий – такой, что теряется из виду... И стен не видно. Всюду светлое пространство, но такое огромное, что Теплицы рядом не стоят. И...

– А лампочки где будут? Если потолок так высоко и стены широкие?

– Ну... Пусть снизу... Или там, где-то вверху, горит такая мощная лампочка, что все видно. И от ее света деревья растут сами по себе. И там...

– Фантазерка.

– Зануда.

– Люблю тебя.

– И я тебя.

Теплые губы касаются моей щеки. Чувствую жар ее груди под холщовой сорочкой. И такое накатывает необъяснимое счастье, что хочется отчебучить какую-нибудь дурацкую шутку.

– Товарищ жена, – торжественно декламирую я, передразнивая партийные лозунги. – Пришло время отрабатывать свой гражданский долг перед Партией! Сымайте исподнее – приступим к зачатию детей!

– Так точно! – в тон мне отчеканивает Света и, не выдержав, прыскает со смеху.

* * *

А потом я познакомился с профессором Вихровым. Очередное мое прошение о переводе в НИИГРАВ наконец рассмотрели, и вместо похода в осточертевший банк слизи меня ждал полет на скоростном лифте и несколько переходов по нижним строениям.

НИИГРАВ изнутри выглядит почти так же, как и наш институт. Разве что приборы в большинстве другие, да и чистых помещений всего парочка. Так что таскаться в жаркой тяжелой химзе мне не грозило.

Меня сопровождает сам Петр Аркадьевич Вихров – седой коренастый мужчина с глубокими морщинами и ясными глазами. Он идет со мной по помещениям НИИ, заложив руки за спину, и вещает своим певучим баритоном о работе отделов. Его тонкое чувство юмора скрашивает унылый инструктаж, и я даже не возмущаюсь его фамильярному «ты».

– НИИГРАВ – это физика сил притяжения и многомерных пространств, – размеренно говорит он. – Сейчас мы в основном занимаемся разработками техники для ликвидаторской службы – на благо Партии, знаешь ли. Но изначальный смысл института не в этом. Когда-то здесь цвела фундаментальная наука – мы изучали, допустим, законы существования Хруща, его строение, физические аномалии...

– Например?

– Например, при изучении некоторой... гм, фауны Гигахруща... мы открыли принцип искусственной гравитации. Именно он используется, допустим, в жерновах, силовых полях и гравиботинках. Но приручить – еще не значит понять. Мы не знаем, откуда в Хруще берется гравитация естественная.

– У Хруща есть верх и низ. И гравитация... Э... Она внизу.

– Исчерпывающе, – усмехается Вихров. – Гравитация – она внизу. Дело в том, товарищ Одинцов...

– Можно просто Павел.

– ...Дело в том, товарищ просто Павел, что на всех этажах приборы регистрируют наличие исгравы в полу. Но попытки обнаружить его источник ни к чему не приводят. В межэтажных перекрытиях нет ничего, что может генерировать гравитацию – их много раз ломали, но без толку. Потом искали источник в самом низу – в минус тысяча каких-то этажах. Был проект скважины – бурили сквозь пятьсот... тридцать этажей, кажется. А потом там грянул Самосбор.

Меня передергивает.

– Они все...

– Нет, нет, что вы, Павел. Не все. Где были сломаны датчики или, допустим, сирены, было слышно вой с соседних этажей. Пара сотен не успела добежать до герм – бывает. Еще треть выживших умерла от голода, пока устраняли последствия. Недели две ушло, шутка ли – пятьсот этажей. Плюс, допустим, потери среди ликвидаторов. Производство встало: население мобилизовали на закупорку межэтажных перекрытий... Партия запретила упоминать этот инцидент, вымарала все данные из архивов. Даже в Бионете, допустим, уже ничего не найдешь. Не удивляйся, что рассказываю – срок давности уже истек, все скажут, мол, легенда Хруща, панки с сектантами выдумали, антипартийная пропаганда.

– А вы тогда откуда знаете?

– Мой отец руководил тем проектом. – Профессор вздыхает, протирая очки. – Потом его сослали на восстановительные работы. А как объявили по радио, что последствия варварского опыта Аркадия Ивановича Вихрова устранены... за ним пришли.

Я хочу спросить, как же он тогда стал профессором, но боюсь вслух усомниться в Партии. Этот вопрос, очевидно, Вихрову задавали много раз, и он его не дожидается.

– Если вас интересует, почему же тогда я достиг успеха, ответ прост: талант. – Видя мое замешательство, он с усмешкой поясняет: – Сперва за мной наблюдали, проводили беседы, проверяли на детекторе лжи – спрашивали, что я думаю об отце. А я думаю, он не был ни героем, ни предателем – он просто ошибся. А потом, исходя из результатов окончания учблока, Партия направила меня сюда. Иронично, правда?

– Весьма.

– Потом всё решили дальнейшие успехи. Мне удалось увеличить мощность жерновов, заряд питания гравитотинок, потом мы с коллегами доработали силовые поля... Словом, все на благо Партии, никаких фундаментальных исследований. О них я заговорил, только когда заслужил безупречную репутацию и доказал, что совсем не похож на отца, а инцидент с шахтой забылся.

Мы молча идем по узкому коридору, отличающемуся от жилого лишь сухими стенами и целой штукатуркой. Я решаюсь наконец задать вопрос.

– Петр Аркадьевич, а зачем вашему НИИ все это время была нужна слизь?

– Хороший вопрос, Одинцов. Итак – физика многомерных пространств. Ты знаешь, что мы живем среди четырех измерений: длина, ширина и высота вот этого, допустим, коридора плюс время. Но Гигахрущ охватывает гораздо большее количество измерений и невидимых нашему глазу пространств.

– Спасибо, это я еще в учблоке узнал, – вежливо откликаюсь я. – А вот сли...

– А слизь обладает способностью смешивать эти измерения, – невозмутимо продолжает Вихров. – Давай по порядку. Слизь – это смесь сложных молекул, состав которой не поддается точной идентификации. Это ты тоже знаешь. Но иногда, у некоторых ее видов, связи в молекулах не подчиняются физическим законам.

– То есть?

– То есть мы знаем, что между углеродно-водородными связями в молекуле, допустим, этанола, должен быть определенный угол – он всегда одинаков, потому что это непреложный закон физики. Мы ведь знаем?

– Допустим, – невольно копирую я его.

– А здесь – нет! Эти углы неправильные! – оживленно разводит руками Вихров. – Или, возможно, правильные – но в каких-то других измерениях. В некоторых видах слизи присутствуют неизвестные... м-м-м... допустим, фундаментальные силы, которые мы не можем определить. Нашего четырехмерного восприятия и убогого инструментария не хватает, чтобы вычислить, *что именно* заставляет эти молекулы принимать *конкретно такую форму*.

– Странно, что в нашем НИИ никогда этого не изучали.

– Странно, что ваш НИИ вообще все еще стоит, – печально усмехается профессор.

Мы молча проходим через очередную гермодверь и оказываемся в тоннеле, подобных которому я не видел раньше. Идеально круглый в сечении, не меньше двух этажей в поперечнике, он простирается в обе стороны от нас и заворачивает где-то вдалеке почти незаметно для глаз. Через тоннель тянется странная труба, утыканная какими-то датчиками и экранами.

– Потребовалась вся моя жизнь, чтобы вернуть НИИГРАВ к настоящей науке, – гордо заявляет Вихров. – Десять гигациклов я боролся за этот проект с партийными крючкотворами и наконец выбил разрешение. Еще столько же ушло на постройку. Заметь – для этого использовали готовый тоннель, прогрызенный в Хруще червем-бетонеедом.

– Так они существуют?!

– О да! Но встречаются крайне редко. Этот был последний из известных – ликвидаторы перемололи его двенадцать гигациклов назад. Из тридцати человек вернулись шестеро.

– А что это за труба?

– Труба?! – Лицо профессора обиженно вытягивается. – Это, Павел, основа будущего научного прорыва – Большой Ускоритель Слизи!

* * *

Шестьсот этажей, разделяющие НИИГРАВ и мой родной блок, я пролетаю на скоростном лифте, пританцовывая от нетерпения. Ласково ощупываю в кармане выданную Вихровым ключ-карту от этой блестящей кабины, слушая мерное жужжание тросов – уж не чета скрежету старой развалюхи, с риском для жизни таскавшей меня раньше на работу.

Выхожу в соседнем блоке, теперь пройти через коридор, подняться по лестнице – и я дома. Света уже должна быть в ячейке, предвкушаю на ужин праздничный красный концентрат со шепоткой мха... Может, даже подлестничников нажарит, если дядя Витя насобирает. Он у нас самый везучий грибник на этаже.

Голова пухнет от поведенного Вихровым. Не терпится пересказать все Свете. О скрытых измерениях, исгреве, бетоноедах, молекулярных связях и физике слизи. Мы все это время занимались ерундой – «командированные» из НИИГРАВа на самом деле изучали слизь, пока «наши» варили из нее пищебрикеты, антибиотики и говняк.

На лестничной клетке вижу толпу людей. Гермодверь на этаж закрыта, над ней горит желтая лампа. Черт. Значит, зачистка. Только что был Самосбор – хорошо еще, что на лестницу не вылился. Что ж, не я один задержался на работе. Мужики в комбезах курят папироски – по синему дыму вижу, что не сигареты, а махра, самопальное курево из сушеной плесени. Да что ж у нас за этаж такой, ни у кого нормальных продуктов нет, все подлестничным кормом перебиваются!

– Скоро закончат, – добродушно кивает мне Костя – молодой парень с длинными патлами, средний из братьев-панков. – Самосбор махонький был. Вот если б на полчаса раньше – аккуратно бы попали, могли бы даже до двери не добежать. Сейчас эти дождут, и все...

– Опять гарью на весь коридор провоняет, – ворчит тощий мужик, затягиваясь сигаретой.

– Лучше дышать гарью, чем купаться в жиже, – резонно замечает Костя, досмаливая папиросу. Вещмешок на его плече звякает. Мужики с интересом на него косятся.

Все знают, что Костя – Поисковик. Шляется по Хрущу, разыскивая заброшенные этажи, еду, инструменты, диковинки и прочее. Это вообще-то незаконно, но никто не сдает Поисковиков, потому что у них всегда есть куча полезного. А у Кости еще и расценки в разы дешевле, чем в ГнилоНете. Он мне на прошлую годовщину со Светой банку тушенки подогнал.

Только хочу сказать Косте, чтоб они вечером не шумели, как гудение огнеметов в коридоре замолкает. Поворачивается вентиль. Мы протискиваемся на этаж, кашляя от гари, разбредаемся по ячейкам, не глядя на ликвидаторов. Костя что-то говорит мне, но я убегаю – ОВС еще не хватало. Никогда не выхожу в коридор раньше, чем через три часа после зачистки. Все еще помню родителей.

Вваливаюсь в ячейку, вытирая холодный пот. Запираю герму, прислоняюсь лбом к холодной стали, считаю до двадцати, глубоко дыша – успокаиваюсь. Все позади, я в безопасности. Дома. Окликаю Свету. Тишина. По привычке пугаюсь, но отбрасываю в сторону жуткие мысли. Опять задержалась.

Ну, раз так – готовлю ужин. Разогреваю красный концентрат, нарезаю в него мох, даже наливаю по полкружечки чайного гриба. Подумав, достаю давно припасенную бутылку спирта. Бреюсь, причесываюсь, жду. По десятому разу слушаю дебилские частушки.

– Бригадир наш среди смены
Заорал «Е... рот»,
Глядь – в глазах поплыли стены,
Начался Бетонворот!

Паша, пообещай, что накопишь на новый приемник. Будешь вкалывать, барыжить и экономить. А лучше – выбьешь у клятой Партии жилье на другом этаже. И попросторнее.

Проходит час. Я меряю ячейку шагами, прикидывая, что еще могло случиться. Застрял лифт. Не вышло на смену трое, будут дорабатывать допоздна. Зашла к подруге... Нет, предупредила бы.

Плюнув на ОВС, выхожу за гермодверь. Нервно топаю через коридор туда и обратно, обходя пятна копоти. Меня окликает дядя Витя. Подхожу к нему, он протягивает мне маленькую потрепанную корочку. Светино удостоверение.

– У вашей гермы лежало, – тихо роняет он. – Там, видно, слизи не было, и не жгли. Вот и сохранилось.

– Она, наверное, обронила... – выдавливаю я. – Может, утром...

Доходит, что тогда бы ее не пустили на работу. Дядя Витя хлопает меня по плечу. Молчит. Его сморщенное лицо так и сочится печалью. Мне тошно. Словно скользкое щупальце сдавливает внутренности. Дышать нечем. В глазах плывет.

– Не могла она...

«Вот если б на полчаса раньше – аккурат бы попали, могли бы даже до двери не добежать». Света должна была вернуться за полчаса до меня. Может, переждала у соседей?.. Начинаю колотить во все гермы в коридоре, крича: «Света! Светлана Одинцова! Фантазерка, выходи!». Я задыхаюсь, сдираю кулаки о сталь гермодверей, в кровь кусаю губы и не замечаю слез. Света через декаду должна была уйти в декрет...

...Потом помню ликвидатора Ефимова, рычащего мне на ухо семиэтажным матом, стальную хватку его протеза, едва не сломавшую мне плечо; помню, как волочатся по коридору мои ноги, врезается в глаз тяжелый кулак его целой руки, как стремительно распухает скула и хлопает гермодверь. Моя гермодверь. Больше не наша.

Слезы не хотят вытекать из заплывшего глаза, я скребу ногтями пол, подползая к колченогому столику. Словно со стороны слышу надрывное завывание, когда вижу накрытый на двоих ужин. Швыряю с него на пол миски, кружки – чайный гриб выплескивается на плешивый ковер. Хватаю бутылку со спиртом и хлебаю из горла – глотку прожигает, словно огнесмесью, язык дерет, как штык-ножом. Так мне и надо. Снова кричу в потолок, не понимая, где я и зачем, снова заливаю этот крик глотком жгучего пойла и пытаюсь отдышаться.

Мою жену забрал Самосбор. Жену *и ребенка*.

Впереди лишь беспросветный мрак одинокого существования. Работать на клятое благо Партии, жрать пищебрикеты и мох и каждый цикл перед сном слышать...

– ...Кто стучится в гермодверь,
Валенками шоркая?
Хочешь верь, а хошь проверь —
Мамка твоя мертвая!

С ревом кидаю табуретку в стену. Хоть бы они заткнулись, хоть бы поняли! Неужели у них нет ничего человеческого? Неужели осталось только едкое зубоскальство, чернушные шутки и пьяный угар?! Неужели у них нет больше способа справляться с этой гнетущей тоской?

А у меня?..

Я валюсь на спину и, запрокинув бутылку, вливаю в себя еще пару глотков. Голова кружится, отчаянно тошнит. Кое-как переворачиваюсь и блюю под себя, уперевшись лбом в ковер, пытаюсь встать хотя бы на четвереньки.

– ...А сирена все орет,
Нам работать не дает,
Мы ее не слышим —
Черной слизью дрищем!

Отплевываюсь едкой кислой слюной, кое-как поднимаюсь и бреду к герме, держась за стену. В глазах плывет, ноги подкашиваются. Поворачиваю вентиль, меня напутствует бес-
смертное:

– Папа – плесень, мама – слизь!
Ликвидатор – в рот е. сь!

Делаю пару шагов, врезаюсь в герму Лазукиных. Барабаню что есть сил содранными распухшими костяшками. Уже почти не больно. Музыка стихает. Вентиль поворачивается, открывает Толик – старший из братьев. Стриженный наголо детина, с бородкой клинышком, чуть старше меня. Смотрит осоловело, но четче, чем я.

– Чем обязаны?

– Замолкните к жиже-матери, – вваливаюсь в ячейку, где несет махрой, спиртом и чем-то сладким. Кумар стоит – хоть топор вешай. – Я ж-жену п-потерял. А вы тут со своими...

Спотыкаюсь о собственную ногу, падаю на кровать, где сидит Костя и какая-то девица. Костя меня придерживает одной рукой, другой сворачивая папироску. Девица брезгливо отодвигается.

– Кури говняк, дядя! Остынь! – задорно вскрикивает тощий парнишка напротив.

По пояс голый, с рыжим ирокезом, на плече тату – спираль. Под бетоноворотчика косит. На коленях гармошка, на которой он своим мудацким куплетикам аккомпанирует. Младший из Лазутчиков, Рома. Даже учебок не закончил. Я щас твою гармошку, гнида...

– А вы в курсе, – ехидно спрашивает он, – что если поменять местами буквы в слове «Самосбор», то получ...

– Я те щ-щас такой Обосрамс устрою, ч-что говняк из ушей посыпл-тся.

Я не узнаю своего голоса, не осознаю, что пытаюсь залепить шкету по морде. Над этой шуткой еще мой дед смеялся, но никогда она еще не казалась мне настолько несмешной. Разбитые об двери пальцы не желают сжиматься в кулак, координация подводит, и меня на полдороге пинком под ребра сшибает Толик.

Я падаю на пол, как мешок с дерьмом, и пытаюсь вдохнуть. Толик хватает меня за шиворот и дергает. Рубашка с треском рвется. Я вяло взмахиваю руками. Словно сквозь вату слышу хохот и улюлюкание, которые внезапно обрубает другой звук.

Сирена.

– Что за хрень?! – вопит Ромка. – Дважды за цикл? Такого не бывает!

– Бывает и трижды, – сухо бросает Костя, заворачивая вентиль гермодвери. – Мелкий ты, не помнишь, как плющило перед тем, как мамку с батею забрали.

– А этого куда? – бурчит шкет. – Выкинь его нахер в коридор, пускай за женкой чешет. Ай!

Последнее, что я вижу – как Толик закатывает Роме хлесткую оплеуху, от которой тот роняет жалобно пискнувшую гармонь. Последнее, что слышу – голос Светы, зовущий меня из коридора. Пытаюсь ползти, но спустя миг проваливаюсь в беспмятство.

* * *

Потом я узнал, что мою герму заварили – она так и осталась открытой, и Самосбор захлестнул мою жилищайку. Я лишился всех запасов концентрата на черный цикл, сменной одежды и жилья. Но в ту минуту это было неведомо болезненному полуживому телу в соседней ячейке.

Потом мне рассказали, что я несколько раз просыпался и полз к герме, но Костя вовремя перехватывал меня у вентиля.

Проснулся я связанный по рукам и ногам, башка разламывалась, горло сушило как бетон знает что. Парни налили мне чайного гриба и дали пару таблеток анальгина. Так и помирились.

С тех пор я живу у Лазутчиков. Сперва было невыносимо. Светы не было. По вечерам было невозможно засыпать одному на угловатой раскладушке среди вони, гогота и звона кружек. Постоянно накурено, по вечерам пьянки с какими-то чудаками и панками, скабрзные анекдоты, песенки и гогот. Но, оказывается, привыкаешь. Можно заснуть и под смех, и под песни, и под скрип соседней койки, и даже мордой в стол, когда Ромка ставит на тебя рюмки и стряхивает пепел.

К концу третьей декады я сочинил свою первую частушку.

Когда в душе не осталось ничего и надежды нет, выжить можно лишь смеясь. Сперва мне не удалось погрузиться в их мир, но спустя несколько декад боль притупилась, и я обнаружил, что все еще умею улыбаться. Висельный юмор Лазукиных был лучшим средством загасить черное отчаяние в душе. Более эффективным, чем этанол и говняк. Хотя этими способами они тоже не брезговали.

Лазутчики полностью заслужили свое прозвище, и дело не только в созвучной фамилии. Они не работали, но жили – дай бетон каждому. У них была даже возможность прокормить лишний рот в виде убитого горем ученого. И человечности им на это тоже хватило, надо признать.

Больше всего мы подружились с Костей, он был самым миролюбивым из братьев. Не задирал всех подряд, как Ромка, не распускал руки, как Толик. Зато брэнчал на старой дребезжащей гитаре и вечерами рассказывал истории о затопленных слизью блоках, поросших борщевиком этажах, тоннелях бетоноедов, заброшенных заводах и кладовых со жратвой. От поисковой братии он узнавал зланные места и новые легенды. Иногда сам сочинял баллады. По его рассказам можно было радиоспектакли записывать: «Поисковик и загадка Изии», «Сказ о мальчике, оседлавшем бетоноеда», «Хозяйка консервной горы».

А вот Толику, конечно, палец в рот не клади. Характер, деловая хватка, изрядная доля хладнокровия. Уж если ему что-то надо, так он этого добьется. Он, не выходя из блока, делает почти столько же добра, сколько и братец-поисковик. Разводит улиток под ванной, выращивает махру, собирает мох, гонит самогон из грибов и сладобрикетов. Да, его капиталистические замашки в народе осуждают, но улиток по праздникам всем хочется кушать.

И Ромка тоже оказался не такой дурак. Ему цены нет – никто не умеет так ловко ловить крыс. И еды приносит немало – не знаю, где он говняк берет, но барыжит им успешно. Ему бы только самому эту дрянь бросить, да еще бетоноворотскую дурь из головы выбить. А то он и братьям, и мне подарил амулетики – скрученная спиралью проволока на шнурке. Чепуха, но если что подумают? Ведь и перемолоть могут к жиже-матери. Я свой амулетик от греха засунул в задний карман брюк. Да так и забыл.

Однажды вечером я спросил Костю за рюмкой:

– У вас же жрачки хватает на десятерых! А вы пьете, проедаете все! И толкаетесь на трех с половиной кроватях, хотя давно можете разъехаться по разным ячейкам и жить каждый своей жизнью!

Костя выпил, закусил вареной улиткой и удивленно спросил:

– А зачем?

Больше я эту тему не поднимал.

Перемены в моей жизни не сказались на часах в НИИ. Во-первых, кому какое дело до личных трагедий, когда превыше всего клятые идеалы Партии; во-вторых, для меня работа стала способом забить голову и приглушить мрачные мысли. Так что и я вносил свою лепту в жизнь «общины» как умел. И зарабатывать пищебрикеты продолжал, и мох собирал, и чинил кое-чего по мелочи. По вечерам рассказывал о проекте НИИГРАВа, над которым работал с профессором. В последнее время я круглыми циклами пропадал на Ускорителе, перебирал все виды слизи, чтобы его запустить. Успех был все ближе, одержимость Вихрова передавалась и мне.

Особенно же я слетел с катушек после одного разговора.

* * *

Мы сидим у него в кабинете, пьем кипяток (чай должны прислать через пару циклов), и разговор заходит об аномальной геометрии Хруща.

– Есть в Гигахруще совершенно удивительное явление. За некоторыми обычными на вид дверями находятся нуль-порталы в другие строения, – рассказывает Петр Аркадьевич. – Ты можешь пройти через дверь, допустим, с лестницы на этаж, а выйти словно из ячейки заброшенного блока. Или можешь выйти в коридор другого блока и, допустим, сразу повернуть за угол, хоть по всем законам там должна быть стена – ты только что видел коридор по другую сторону от нее. Но на самом деле это уже не то... хм, пространство, измерение, зови как хочешь. Геометрия в Гигахруще заставляет самых умных физиков, извини за выражение, курить говняк.

– Хорошо, а гравитация тут причем?

– Ты привык к тому, что гравитация действует на тебя по оси «о – зет». Давит сверху вниз на эту площадку, – профессор рисует в воздухе стрелку, указывающую в стол. – А в других строениях она уже действует по оси «о – икс» – допустим, справа налево. Иначе говоря, шагнув через порог такого входа ты можешь рухнуть с потолка в другом строении.

– Я думал, это все байки.

– О нет, – качает головой Вихров. – Я такое видел. Но эти порталы обычно опечатывают, а то и ликвидируют целый этаж, чтобы никто не шастал. Партия запрещает исследования этих явлений – считает их небезопасными. А как по мне, именно эти порталы могут пролить свет на природу Самосбора и, как следствие, в конечном счете победить его!

Его глаза лихорадочно блестят, он поглядывает на дверцу шкафа рядом и то протягивает к ней руку, то отдергивает. Я понимаю, что ему не терпится поделиться наконец своей теорией, и в шкафу наверняка лежат бумаги с математическими выкладками. Подавляя улыбку, спрашиваю:

– А причем тут, в свою очередь, Самосбор?

– А вот! Есть у меня гипотеза, – Петр Аркадьевич подмигивает и замирает, держа руку на дверце, – что Самосбор – это изменение гравитации вдоль осей скрытых измерений! Допустим, «о – ю», «о – мю», «о – тау» – и так далее. Он словно выдавливает из этих измерений нечто неизвестное нам. Словно сбрасывает с потолка – только не с потолка, а из ниоткуда. И жителей, попавших под него, соответственно, утягивает в те измерения. Там они продолжают жить не хуже нас, но в недостижимости...

Жуткая и восхитительная догадка мелькает у меня в мозгу. Если это действительно так, то Вихров – гений! Это не просто научный прорыв. Не просто решение фундаментальной

загадки. Это путь в лучший мир для потерявшего надежду маленького человека, у которого из радостей жизни остались лишь скабрзные частушки. Спасение для меня.

Вихров подтверждает догадку.

– Скажу честно, Павел. Ускоритель построен не для того, чтобы найти неизвестную силу, изменяющую молекулярное строение слизи. Он нужен, чтобы открыть портал в измерения Самосбора. Безопасный портал. Чтобы вернуть всех, кто исчез в сиреневом тумане.

– Или уйти за ними?

Во рту пересыхает, я смотрю на улыбающегося профессора, не видя ни морщин, ни седины, ни таящейся в уголках глаз печали, ни прилипших к ручке шкафа пальцев. Я вижу сияющую в вышине огромную лампочку и полы из почвы. Измерения за пределами Хруща, куда не попасть, даже умея ходить по потолку.

– Или уйти за ними, – вздыхает Вихров. – Но есть проблема. Может статься так, что ни один из образцов не подойдет для запуска Ускорителя. Тогда придется искать другую субстанцию. С гораздо более сильными гравигенерирующими свойствами.

– Какую?

– Если бы я знал.

Мне отчего-то кажется, что профессор лукавит. Но рано или поздно он все равно скажет. Теперь другая мысль приходит мне на ум. А если его теория неверна?..

– Петр Аркадич, вы говорите, Самосбор – изменение гравитации в скрытых измерениях? А по какой причине оно происходит? – бормочу я. – Или как объяснить то, что жители иногда возвращаются в виде отродий? Или психическое воздействие Самосбора? Или защитное действие гермодверей?..

– Никак, – грустно разводит руками профессор. – Это всего лишь гипотеза. Одна из сотен. Выпьем?

Он открывает наконец шкаф и достает оттуда бутылку спирта.

* * *

Иногда заходит дядя Витя, угощает грибами, приносит сладобрикетов, опрокидывает рюмку, рассказывает истории. Порой забегают друзья Ромы – покурить говняка, послушать его дурацкие проповеди, что будем мы скоро ходить по потолку аки по полу. Много кто в гости навещается. Особенно часто – Нина Ефимова, дочка того старого ликвидатора, что меня тогда из коридора вышвырнул. У них, оказывается, с Толиком роман, они съехаться хотят, а отец ее «этих антихрущей» на дух не переносит.

Однажды она внезапно влетает в ячейку и кидается на койку Толика, ревя лицом в подушку. Тот немедля бросает кормить своих улиток, бежит к ней с бутылкой, начинает ее обнимать, гладить по плечам. Я только открываю рот спросить, что случилось, но меня перехватывает Костя и чуть не за ухо тащит к герме.

– Пошли, – говорит, – покурим.

Выходим с ним на лестницу, он осматривает соседние площадки, выглядывает в коридор, а потом вполголоса объясняет:

– Ефимов ее насилует периодически. Десять лет назад он перемолол ее мать, когда та под Самосбор попала. С тех пор головой и двинулся. Потом ему еще и аугментики напихали. И Окуляр, и лапа эта стальная – в ней же бетон знает, что намешано кроме пальцев: штык-нож, ствол, резак плазменный – и вся эта хрень к мозгу подключена. Тут у любого контакты перемкнет. Вот на него иногда и находит помутнение. Он в дочке свою жену видит, вот и кидается на нее.

– Ты его что, оправдываешь?!

– Не-а, – сплевывает Костя. – Я его ненавижу. Хоть и не так, как Толик. Он полгигацикла уже пытается придумать, как его убить. Да только что ты майору ликвидаторов сделаешь? Я своими глазами видел, как в него Леха-алкаш со сто четырнадцатого нож кинул, когда тот самогон конфисковать пришел.

– И что было?

– Нож отскочил. Силовое поле. А у Лехи после этого голова на пол отскочила, когда уважаемый Владимир Ефимов ему по ней своей железкой шарахнул. – Костя судорожно затягивается папиросой. – Мы сидели у Лехи, пили, а этот его прямо у меня на глазах... Я тогда и понял, что ему бояться нечего. Что я, донос на него напишу?

Он нервно смеется, рука с самокруткой дрожит.

– Еще Окуляр этот. Сечет радиацию, химию, слизь... Ни отравы в вентиляцию не подкинуть, ни фонащего какого дерьма. Говорят, даже микроволны видит и рентген... Короче, единственный вариант – гермодверь сломать. После Самосбора ни тела, ни улики. Несчастный случай. Надо только подгадать, чтоб Нинка у нас в это время была. Как сирена завоет – бежать к его герме, там заложить микрозаряд, чтобы петлю сорвало. И обратно...

Он рассуждает будничным тоном, словно об уборке в ячейке. Я молча вырываю у него из пальцев папиросу и затягиваюсь гадким, едким дымом. Глаза щиплет, голова подкруживается, выдыхаю.

– Пойдем со мной. – Костя выхватывает бычок из моей руки и бросает. Тот исчезает во мраке лестницы, выбив искру о ступеньку. – Они там надолго. А мы пока – в Поиск.

Не верю ушам. В Поиск? Костя спускается на полпролета, поднимает взгляд и бросает:

– Ну?

Тороплюсь за ним, пытаюсь запомнить дорогу – череду лифтов, коридоров, этажей. Безуспешно. Помню, что двумя этажами ниже проходим мимо кабины скоростного лифта, а дальше теряюсь в лабиринтах Хруща.

Спустя час Костя выходит на заброшенный этаж, включает фонарь (когда успел захватить?) и идет, ощупывая лучом света залитый водой пол. Указывает пальцем на одну из луж, гляжу – слизь. Синеватая какая-то, я такую только в НИИ встречал.

Идем дальше, подходим к неприметной гермодвери, и Костя кладет руку на вентиль.

– Давно тебе хотел показать, ученый. Смотри не обосрись от восторга.

В тишине мертвого этажа скрип вентиля отдается пронзительным эхом. Волосы встают дыбом. Никакого восторга я не испытываю. За гермодверью открывается заброшенный завод. Стены покрыты фосфоресцирующей слизью, и ее слабого свечения хватает, чтобы разобрать очертания машин. Ряды станков, конвейеры, сборочные цеха, аппараты... И все это почему-то торчит из противоположной стены.

Костя оглядывается, ехидно скалясь. Подбирает с пола кусок штукатурки и говорит:

– Сейчас поймешь.

Он вытягивает руку так, чтобы кисть была по другую сторону от порога, и разжимает кулак. Штукатурка улетает в противоположную стену и врезается в какой-то конвейер. До меня доходит. Мы смотрим на этот завод с потолка.

И вот теперь я действительно готов обосраться от восторга. Это ведь то, о чем рассказывал Вихров!

– Это еще не все, – подмигивает Костя. – Осторожно выгляни и посмотри влево. Вылезай давай, я подержу.

Он хватается за руку, я просовываю голову через порог и чувствую, как ее тянет вперед, то есть на самом деле вниз. Борюсь с головокружением, гляжу влево и в сотне метров от себя вижу то, о чем говорит Костя. Восторг сменяется ледяным ужасом.

Аккуратно насыпанное кольцо из раскрошенного бетона диаметром в пару метров. Внутри кольца спиралью сложены крупные овальные камни светло-серого цвета. Они, по-види-

мому, здорово давят на поверхность, на которой лежат, но... «Здесь вообще-то потолок!» – вопит мой вывихнутый мозг. Эту картину невозможно ни с чем спутать, даже если ни разу не видел раньше. Логово бетоноеда.

Только теперь я вижу, что стены завода, теряющиеся по сторонам, усеяны громадными дырками, проеденными в бетоне. И судя по ним, эта тварь размером никак не меньше той, что прогрызла тоннель под НИИГРАВом. Я отшатываюсь и, потеряв равновесие, падаю обратно на пол в коридоре.

– А если бы он там был?! Ты нахера бросал эту дурацкую штукатурку?!

– Да тихо ты, ученый, – смеется Костя. – Это же ноль-переход. Если бы червь на нас кинулся, нужно было бы всего лишь захлопнуть эту герму – портал бы закрылся, и он прохавал бы стену дальше, но только в своем строении.

– Откуда ты это знаешь?!

– Это даже в открытом Бионете найти можно, – пожимает плечами Костя и закуривает. – Не обязательно в Гнилой лезть. Ну, поразвлекались – и хватит. Мне координаты блока слили, где взрывчатку достать. Пойдем заберем, надо же Толяна выручать.

Я молча плетусь за ним, стараясь унять дрожь. Перед глазами стоит утопленная в потолок кладка яиц бетоноеда. В ушах стоит возбужденный голос Вихрова: «...другую субстанцию. С гораздо более сильными гравигенерирующими свойствами».

* * *

Вечером я сижу в раздумьях, не слушая ни озорное пиликанье гармошки, ни крики гостей. Две девушки-врачихи со сто двенадцатого принесли спирт, двое одноклассников Ромки наловили крыс и отдали Толику жарить, Нина Ефимова вынесла с работы несколько брикетов (у них на пищефабрике так заведено), дядя Витя натушил своих коронных подлестничников.

Все как обычно – уютно и весело, снова надывается гармонь, стелется синеватый дым, и Ромка кричит, надрываясь:

– Ванька с Маньки трусея
Снял – да так и ахнет:
Там три щупальца висят,
Сырым мясом пахнут!

Мне никак не решить – что же делать. Доложить Вихрову о яйцах бетоноеда – значит, сдать Костю ликвидаторам. Даже если профессор прикроет Лазукина, Партия все равно докопается до правды. Нельзя же принести яйцо и сказать – в борщевике нашел!

Порой накатывает мысль: если это поможет вернуть Свету и уйти в ее чудесный мир, то ничья жизнь и рядом не стоит. Я отгоняю ее прочь, вспоминая, что парни спасли мою собственную жизнь.

...Или, попав под Самосбор, я бы все-таки ушел вслед за ней?

...Или же нет никаких скрытых измерений, и теория Вихрова ошибочна?

...Есть только один способ проверить. Если он сработает, то мир перевернется.

...Но стоит ли ради этого жертвовать Костей?

И так по кругу. Я беспрерывно курю и грызу ногти, сидя с ногами на кровати. Периодически меня вырывают из раздумий возбужденные споры школяров:

– ...Говорят, что у начальства Партии аугментики больше, чем органики!

– А еще говорят, что они скрестились с отродьями или в слизь окунулись и стали сверхлюдьми!

– А мой дед в шахте лифта видел крысу с титьками!

– Дурак твой дед!

Потом я вижу, как Костя с вещмешком идет на кухню – передавать Толику взрывчатку. Там он должно быть, инструктирует брата. Их голосов не слышно за шипящим и постреливающим маслом – прогорклым и четырежды прожаренным. Даже у Лазутчиков оно в дефиците.

– ...И пойдём по потолку, аки по полу!..

А школота тем временем соскребывает с дядьвитиной сковородки последние грибы. Мне так и не досталось. Тут Толик приносит жареных крыс, вываливает в опустевшую сковородку. Я выхватываю одну и начинаю обглаживать. Слышу перебор из угла, поворачиваюсь – это Костя вернулся и тербит струны гитары. Сыграв вступление, он хрипловато затягивает незнакомую песню:

– Он бригадир. И вотчина его – завод.
Он любит петь, плясать, ругаться матом.
Махру он курит, чистый спирт он пьет
И любит девушку из ГБ-пятой.
У ней следы от слизи на руках,
Тату спиралевидное под платьем,
И вечерами брагой на грибках
Торгует девушка из ГБ-пятой.
У ней с рожденья лишь один сосок,
И губы слаще красных концентратов
Уходит бригадир в рабочий блок
И любит девушку из ГБ-пятой.
Брикеты алые, как кровь.
И плесени кисетик синевагой,
И пылкую и страстную любовь
Несет он девушке из ГБ-пятой.
Вернулся бригадир из-за станка,
И он узнал, что старый ликвидатор,
По пьяни накурившись говняка,
Зарезал девушку из ГБ-пятой.
У ней с рожденья лишь один сосок,
И губы слаще красных концентратов.
Уходит бригадир в рабочий блок
И грезит девушкой из ГБ-пятой.
Опять за гермодверью шум и гам.
Пленен сырого мяса ароматом,
В лиловый бригадир идет туман
И видит девушку из ГБ-пятой.

Школота пялится в отсыревший потолок, проникновенно вздыхая. Ромка раскуривает говняк. Дядя Витя заскорузлым пальцем втихаря зачерпывает со сковороды масло и смазывает им особенно скрипучий шарнир под коленкой. Толян молча прихлебывает самогон.

С минуту мы сидим в тишине, и вдруг дядя Витя, задумчиво глядя куда-то в стену и продолжая ковырять протез, начинает рассказывать:

– Эт молодежи невдомек, небось, почему этажником почетно быть. Ты ж не токо лестницы метешь и лампочки меняешь. От тя зависит, переживет ли твой этаж следующий Само-сбор! Проверяешь датчики, сирены, герму на этаже! А то ведь, слышь, иной раз забарахлит не вовремя, и пол-этажа – фьють! Вот как-то, помню, лезу я проверять, а там на датчике красный

диод мигает. А сирена молчит! Блок питания сдох, новый надо ставить. Всем и невдомек, шо Самосбор щас будет – в гости ходют, детишки в коридоре играют! Я им орать, шоб прятались. Пара человек побежали, остальные думают – дядя Витя их разыгрывает!

Дядя Витя качает головой, вздыхает и хлопает рюмочку.

– Нельзя, ребятки, етими вещами шутить! А мне ж по инструкции в таких случаях надо в ячейку сразу прятаться – дескать, пусть лучше токо я Самосбор переживу, чем совсем никто. Да-а... Ну дык я к себе бегу, а там блок питания схватил – и обратно на стремянку. Во как. Руки дрожали, уж не знаю как, но заменил его – и сирена ка-ак заорет! Все мигом попрятались! Ну и я к себе.

– Успели? – замороженно шепчет Ромка.

– А то! Хотя на волосочке был! Уже и туман видел этот сиреневый. Даже сырым мясом тянуло – ну вот кабуто крыску потрошишь, сами знаете. И ничего, спасся. И шо инструкцию нарушил – тоже ничего не было! Премияльный паек даже дали!

– Так вы, наверное, заразиться успели, дядь Вить!

– Та не, малой, это ж было семь гигациклов назад! Меня и в карантинах держали, и анализы делали, и уж невесть как мурыжили – все чисто! Ни тебе черной слизи высморгаться, ни туманом сиреневым пукнуть. Пронесло!

Я ерзаю на койке, скрипя пружинами, и в голове несутся сумбурные обрывки мыслей: «Пронесло!.. Премияльный паек!.. Если получится – все путем, а если нет – это будет неважно...». Бросаю взгляд на Костю – он трогает струны, вспоминая очередную балладу. Я подрываюсь и, подскочив к нему, склоняюсь над ухом.

– Пошли, – говорю, – покурим.

Он откладывает гитару и выходит за мной из ячейки. Я веду его на лестничную клетку, предварительно оглядевшись на предмет лишних ушей, и негромко спрашиваю:

– Какой у тебя размер ноги?

* * *

На следующий цикл мы встречаемся в условленное время у скоростного лифта, что по дороге к логову. Костя ждет на этаже, а я прилетаю в кабине после смены. Мой вещмешок потяжелел – даже и не думал, что это окажется так просто.

Костя на мое приветствие угрюмо кивает. Шагает молча, курит одну за другой. Осторожно интересуюсь:

– Что-нибудь произошло?

– Ромку забрали, – глухо бросает он.

Непроизвольно отшпатываюсь, словно он залепил мне по уху. Ромку-шкета? Забрали?!

– За говняк, что ли?..

– Если бы, – цедит Костя сквозь зубы. – Говняк он половине учблока толкал, даже преподам. А вот когда он фокусы свои дурацкие стал показывать, так на него и настучали. Бетонворот!.. Кто бы мог подумать!

– Фокусы? Чего?.. При чем тут...

– Пашок, мы тоже все время думали, что это цирк! – Костян останавливается и с яростью шипит мне в лицо. – Что татуха у него – просто понты! И что эти религиозные заморочки – туфта и бунт против Партии. Пацан жил со мной и Толяном с детства, родителей не помнит вообще. Начнешь тут выкобениваться...

Он сплевывает под ноги, вновь прикусывает папиросу. Выдыхает.

– А он, значит, как я, в Поиск ходил. С малолетства. Бродил себе по этажам, вот и нашел где-то секту. Они-то ему говняк и выдавали, чтоб он вкушал дары Хруща, или как их там... Ромка большую часть толкал, а сам «вкушал» совсем мало. Но этого хватило.

– Ничего не понимаю.

– Пашок, в общем... Способности у него появились. Не знаю, Самосбор их побери, как так, но он начал бетоном управлять. Совсем немного, но заметно. Бетон вспучивался пузырем, и Ромка этот пузырь гонял по стенке – как будто крыса под одеялом бегают, только, жижа-мать-ее, под бетоном.

– Но это же невоз... – До меня доходит, что когда-то давно я считал легендами и бетоноедов, и порталы, и даже НИИГРАВ. Что ж, есть в Хруще такое, что и не снилось нашим мудрецам.

– Я тоже так думал. Пока он сам не показал. За ним уже по коридору шли. Только слишком немногому он научился. Защититься не смог. Забрали его, и все. А нас с Толяном отмудохали, всех улиток у него конфисковали и махру. Хорошо, в кладовку не стали заглядывать – там мое барахло лежало...

– Соболезную. – Ком встает в горле, а подобрать слов толком не получается.

– Да брось. С каждым может случиться. Мы за твою жену не особо переживали.

Но мне все равно жутко и жалко Ромку. Остаток пути до портала мы проходим в тишине. У заветной гермы скидываю вещмешок и достаю оттуда украденные гравитотинки. Отдаю пару Косте, обуваюсь сам. Набираю воздуха в грудь. Поворачиваю вентиль.

Бетоноедова кладка все так же вдавливают потолок. На вид яйца кажутся тяжелыми, но я вспоминаю, что говорил мне Вихров о бетоноедах: яйца ничего не весят, они лишь генерируют гравитацию, вдавливаясь в ближайшую поверхность. Пол, потолок, стены, руки – яйцам без разницы. Их можно прислонить к спине и идти – они будут слегка давить сзади.

Делаю неуверенный шаг за порог, нашариваю пяткой потолок завода. Чувствую, что опираюсь на него. Легкое головокружение и дезориентация останавливают меня. Вторую ногу ставить все еще страшно. Я трясусь, замерев в позе контуженного паука, пока Костя не выпишет мне смачного пенделя.

С диким воплем я перелетаю через порог гермы и приземляюсь... на потолок. Кладка лежит впереди, машины и конвейеры нависают над головой. Страшно, что они вот-вот могут вырваться из опор и приземлиться на меня. Про себя тихонько бормочу, что этого не будет, пол – вверх, а я – на потолке, завод не может упасть вверх. Под это бормотание преодолеваю бесконечную сотню метров, прерывисто дыша. У самого гнезда замечаю позади Костю. Судя по его ошалелой роже, он чувствует себя не лучше.

В заводе по-прежнему спокойно. Светятся узоры слизи на стенах, зияют пустые провалы бетоноедских ходов. В тишине слышно наше с Костей напряженное дыхание.

Я касаюсь ладонью одного из яиц. Ничего не происходит. На ощупь оно немного шершавое и прохладное – точно бетон. Костя хватается другое и, повторяя за мной, прислоняет его к спине. Вихров не соврал – яйцо слегка давит, наклоняя вперед. Стоять можно, только слегка нагнувшись.

Мы поворачиваем обратно, переводя дух, торопливо шагаем к открытой в потолке гермелюку. Обходим и перешагиваем островочки слизи, нервно посмеиваемся и почти расслабляемся, как вдруг потолок позади гермодвери взрывается.

Крошки бетона летят вверх, осыпают конвейеры и аппараты, а из дыры перед нами стремительно вылетает огромное тело червя. Его слепая голова, похожая на внебрачное дитя шахтерского бура и мясорубки, колотит по потолку. Завод трясется, от потолка отваливаются целые куски, мы с Костей хватаемся друг за друга, пытаемся удержаться.

– Ни в коем случае не прыгай! – ору я.

Если обе подошвы гравитотинки будут направлены не на потолок, можно улететь вверх, то есть вниз. Мы мчимся к двери, до которой остаются считанные метры, прямо навстречу чудовищу Хруща. Нам нужно лишь успеть.

Но дверь захлопывается под натиском червя, и его двухэтажная пасть оказывается прямо перед нами. Единственный выход придавлен его брюхом. Мои нервы начинают сдавать, и я не знаю, что нам делать, равно как и не знаю, почему червь... до сих пор не перемолол нас своими кремниевыми зубищами.

Он замер.

Мы с Костей, стуча зубами, переглядываемся, ничего не понимая. Я чувствую, как что-то обжигает мою задницу с левой стороны. Хватаюсь за нее – нащупываю что-то горячее в заднем кармане. Вытаскиваю амулет, давным-давно подаренный Ромкой.

Костя тем временем хватается за грудь и вынимает свой – раскаленная проволока светится в темноте красноватым сиянием. Червь рычит, ерзая и отползая назад. Я перевожу взгляд со своего амулета на Костин. Тот перехватывает мой взгляд.

– Только что надел! – орет он, оскалившись. – В память о братце!

Я вытягиваю руку с проволочной спиралью на цепочке – червь урчит громче и отодвигается еще на метр. Вижу край гермодвери. Опьяненный успехом, перехватываю амулет за проволоку, обжигая ладонь до мяса, и тычу прямо в зуб бетоноеда. Тот верещит и отползает назад. Герма свободна, мы с Костей тянем за вентиль и открываем ее.

– А вот тебе, дрянь, во славу Вечного Бетоноворота! – зловеще хохоча, орет Костя. – Вкуси, падла, плоть Хрущову!

Он раскручивает за цепочку свою спираль и швыряет прямо в глотку твари. Червь страшно визжит, извивается в конвульсиях и бьется об потолок. Кажется, сейчас лопнут барабанные перепонки. Я придерживаю герму и тяну за руку хохочущего Костю.

– Пойдем! Пойдем, хватит!

Костя замирает, упоенный величественным зрелищем агонии бетоноеда. Червь стрекочет, верещит и свивается кольцами, по потолку идут трещины, заброшенный завод рушится, слетают яйца с кладки... И вдруг я цепенею от ужаса.

Из многочисленных дыр вылезают новые черви. Они выползают из прогрызенных в стенах тоннелей и ползут к нам по потолку. Костя орет, я грязно ругаюсь, и мы прыгаем вниз, приземляемся на бок, после чего вдвоем закрываем герму и заворачиваем вентиль, параллельно пытаясь вдохнуть.

А потом лежим и дышим, глядя в потолок. Нормальный потолок, вверху. Надо же... В этот цикл Гигахрущ открыл нам много своих тайн. Трогаю лежащее на полу яйцо. Скоро он откроет их еще больше. Но придется подождать до завтра. Сейчас в НИИ уже никого нет.

Мы заворачиваем трофеи в вещмешки. Бросив на Костю короткий взгляд, замечаю в его длинных волосах седую прядь. Наверное, сам выгляжу не лучше. Молча выкуриваем пару папирос и поднимаемся с пола. Пора домой.

– Выходит, культисты Ромкины какую-то власть над бетоноедами имеют? – думаю я вслух.

– Выходит, так, – соглашается Костя. – Если один Ромка нам умудрился такие амулеты смастерить, то представь, что их жрецы умеют... Пожалуй, выйду на них через ГнилоНет, скину координаты этой берложки... Пускай седлают тех червей и мстят за брата.

– А может, они знают?.. Помнишь, Ромка говорил, что говняк делается из дерьма бетоноеда?

– Ну нет, это уж он точно заливал!

– Ты и про Бетоноворот так думал!

Мы тихо смеемся, шагая сквозь заброшенные блоки. Напряжение отпускает, хочется шутить и думать о простом. Спустя час ходьбы по коридорам мы проходим мимо знакомой скоростной кабины, выходим на лестницу и видим дядю Витю, застрявшего протезом в перилах. Рядом с ним стоит наполовину набранное ведро нежно-коричневых подлестничников.

– Я тут собирал, да и не заметил, как эт... зацепился, – хрипло смеется этажник. Глаза его нервно бегают. – Вытащить хотел, да чой-то он не разгибается, сволочь. Клинит его иной раз. Не подсобите?

Костя осматривает ногу дяди Вити, пробует разогнуть, что-то подкрутить или раскрутить, но ничего не выходит. Он пожимает плечами:

– Тут руками никак, дядь Вить. Я за инструментами сбегая и вас мигом вызволю. Аккуратнее в следующий раз будьте. Что ж вы ее не смазываете?

– Ну дык масло кончилось у меня, – пригорюнившись, бормочет старик. – Я уж было пробовал... А-ай, ладно. Помоги старику, я в долгу не останусь.

– О чем вопрос, туда-обратно!

Мы идем вверх по лестнице, проходим первый пролет, и включается сирена. В который раз холодное скользкое шупальце сжимает мое сердце. Снизу раздается надрывный, полный ужаса крик старика. Я бегу, стараясь не думать, что будет с этажником и до чего доводит прогорклое масло.

Врываемся на этаж и мчимся к герме Лазукиных, по дороге сбивая с ног ликвидатора Ефимова. Колотимся в нее и орем наперебой:

– Толик! Толян, открой! Это мы! Костя и Паша! Еще не началось, открывай давай, на две секунды!

– Не могу! – раздается дрожащий голос Толика. – Он тоже там!

– Кто «он»?! Открывай, брат! Никого тут, только мы!

– Я взорвал ее! – старший Лазукин срывается в рыдания. – Я взорвал петлю! Нина у меня!

Рядом вырастает Ефимов с перекошенной мордой, и без того неровной из-за Окуляра. Он с ревом вламывает стальным кулаком по герме, но лишь царапает ее. Эти двери Самосбор выдерживают, Владимир Иваныч, вы что...

– Открой, гнида! – орет басом майор. – Я тебе покажу, как дочь мою совращать!

– Ты ее сам совращаешь, говноед партийский! – срывающимся голосом вопит Толик. – Брат, прости! Паша, я не могу!..

За гермой слышны рыдания Нины. Костя сползает по стенке, шевеля губами. Я бегу к гермодвери Ефимовых – говорят, если заткнуть щели мокрыми тряпками, можно переждать...

Герма ликвидатора висит на одной петле.

Дядя Витья?.. Бред, его герма заперта, сам он застрял на лестнице, а Самосбор, судя по сиренам, раскинулся на три этажа. Лифт? Отключен... Проволочный амулетик холодный – обычная железка. Швыряю его в конец коридора, где уже стущается фиолетовый туман.

Я вырываю из вещмешка яйцо бетоноеда и пытаюсь разбить его об пол – не знаю зачем. Не получается. Ни крошек, ни трещин – ничего. В ярости выкидываю треклятое яйцо вслед за амулетом.

Странно, Света не успела даже добежать до нашей гермы, а этот Самосбор тянется невыносимо долго. Может, чем больше Самосбор, тем медленнее он разгоняется?.. Судя по всему, для Кости это не имеет значения. Он прилип к стене и пытается кричать, но из его черного рта не вылетает ни звука – лишь брызги слезы.

Пытаюсь оттянуть его от стены, но без толку. Спина Кости срослась с бетоном, сочащаяся из стены слизь затопила вещмешок. Я срываю голос в отчаянном крике, но никто не может помочь.

– Нина! – хрипло вопит Ефимов, продолжая ломиться в дверь. – Дочка! Доченька, открой! Впусти меня, я тебя пальцем не трону! Больше никогда! Пусти, родная, папка тебя любит! Оставайся с этим придурком, я вас прощу, только впусти!

Истерический фальцет в перепуганном до усрачки крике огромного взрослого мужика убивает во мне всякую надежду. Ефимов хорошо знает, что такое Самосбор. Он видел вещи,

которые происходят после него. Он и правда готов их простить – лишь бы оказаться сейчас по ту сторону гермодвери.

Голоса, шумы и тихая гипнотическая музыка начинают мерещиться мне сквозь крики старого ликвидатора. Серые обшарпанные стены приобретают мягкий сиреневый оттенок. Навязчиво пахнет сырым мясом. Поворачиваюсь – теперь уже полностью седая голова Кости с распахнутым ртом и пустыми глазницами торчит из размазанного по стене пятна черной слизи. Пятно расплзается и ощупывает бетон липкими ложноножками.

Ужас перед абсолютным хаосом Самосбора затапливает все мое существо. В нем нет никакой системы. Нет логики. Нет причины. Костя превратился в жижу, а я и Ефимов – еще нет. Когда погибла моя жена, Самосбор наступил очень быстро. Когда погибаю я, он не торопится. И это не объяснить ничем.

Когда-то и моя любимая растеклась пятном густой жижи по стене рядом с нашей ячейкой. Безо всяких изменений гравитации. Безо всякого смещения пространств. И без огромных лампочек в недосыгаемо высоких потолках. Просто слизь на стене. Просто туман и запах сырого мяса. Надеюсь, Ускоритель Слизни никогда не заработает. Ничего вы не знаете, профессор Вихров.

Сумбурная мешанина звуков окружает меня, я все еще не могу ничего в ней разобрать. Гляжу на Ефимова. Он что-то ковыряет и подкручивает в своем протезе – и вот из среднего пальца вырывается тонкое лезвие горелки. Значит, и такое у него есть? Слезы текут по его изрезанному морщинами и шрамами лицу. Прислоняю ухо к его спине и слышу, словно бы сквозь вату:

– Получайте, б...! – ревет он, заваривая герму Лазукиных. – Молодожены!! Уроды!.. Мразь!.. Родного папку!.. Прости, дочка!.. Прости...

Его голос тонет в шуме и бормотании. Огонек сварки меркнет в густом и липком лиловом тумане. Я остаюсь один. Невыносимо пахнет сырым мясом.

– Пойдем! – отчетливо слышу я голос Светы. – Пойдем наружу. Прочь из Гигахруща, в царство вечного Самосбора. Забудь про все. Шагай ко мне.

– Так точно, – восторженно шепчу я.

И шагаю в фиолетовый туман.

Судьба Юрий Данилов

Створки лифта распахнулись, точно механизм развел руки в стороны: «Я свою работу сделал, а ты там дальше сам как-нибудь».

Делаю шаг, другой. Ноги затекли, да и воздух в кабинке за долгий подъем застоялся. Из коридора тоже пахло не розами, но хоть какое-то облегчение.

Ни с кем локтями не толкаюсь, пропускаю вперед себя. Людына – зверь заполошный да бестолковый.

Суетятся, щемятся, а куда – сами не знают. Оттого и ведомы.

Раньше вел я, теперь иду со всеми.

Вращался в вихре центрального аппарата гигаблока, но попал в противофазу с новым курсом.

Раскрутило меня, как на центрифуге, и отшвырнуло на периферию жизни.

Награды, привилегии, друзья – все поотрывало; что осталось – в сумке на плече.

Что ж, по молодости, когда на рабфак пришел, багаж был ничуть не весомее.

Первым делом надо квартиру посмотреть. Победившие не стали меня уничтожать окончательно – бросили кость в виде должности и ведомственного жилья в блоке третьей категории снабжения.

А я и взял эту кость. Мог бы вразнос пойти до конца, так, чтобы доломали меня по политической статье да расстреляли, как полагается.

Нет. Не стал. Не хватило злости, стало безразлично.

Плитка под ногами с гранитной крошкой. Красивая раньше была. Сейчас вся вышерби-лась. Нужно смотреть, куда наступаешь.

Туфли с момента отбытия не чистил. Запылились. Им прилично уже времени, но качество отменное. В них хоть на свадьбу, хоть на похороны не зазорно.

По лестнице поднимаюсь выше. Сперва показалось – война прошла. Нет, всего лишь ремонт. Стены ободраны, ни штукатурки, ни шпаклевки.

Вот и мое новое пристанище за номером 235.

Достаю ключи. В замок входят, но дальше четверти поворота не идут.

Дверь открывается. На пороге небритый мужик в растянутой майке. Смотрит. Матом спрашивает, что я здесь забыл.

Говорю, что живу здесь. Он усмехается и некультурно указывает мне мой действитель-ный, по его мнению, адрес.

Достаю документы. Сверяюсь: квартира 235, блок АХТ-88/2.

Требую документы с мужика. У него за спиной появляется помятая женщина в халате. Кроет меня матом почище небритого типа, который, к слову, хватает меня за грудки.

Было время, я входил в сборную завода по борьбе. Со спорта мое восхождение началось, и я никогда тренировки полностью не забрасывал.

Мужик и трех звуков издать не успел. Подсечка, бросок, болевой.

Женщине на опережение воплей рявкнул, мол, документы неси, красивая, а то и тебе не поздоровится. Бить я бы ее не стал, но угроза подействовала. Скрылась.

Спрашиваю мужика – как звать?

Тот силло называется Тёмой. Я тоже представляюсь. По имени-отчеству. Привычка.

Женщина приносит бумаги. Твою-то мать! Понятно, не могли меня в дыру эту направить без прикола с совпадением адресов. Мелко гадите, бывшие товарищи, мелко.

Вставай, говорю, Тёма, в жилуправление пойдем. Выселять не буду, просто тебя один хрен для подтверждения вызовут.

Идем. Из каморки показалась коридорная. Называет меня бандитом. Грозит ликвидаторами. Игнорирую. Мне с такой мелочью общаться резона нет. Да и не решает она ничего.

Раньше случалось квартиры для сотрудников выбивать, схема старая, наработанная. Пофиг, что хлопотно, лишь бы не останавливаться, а то опять затоскую.

У самой лестницы коридорная кричит, подожди, мол. На этаж выше позвоню. Там вроде для кого-то 335-ю в порядок приводили. Какой-то хрен важный приехать должен.

Останавливаюсь. Тёма пыхтит, прибежала его жена. Пыхтят вдвоем, на меня искоса зыркают, но молчат.

Сверху подтвердили, что ждут именно меня. И в 335-й.

Всем кагалом топаем по лестнице.

Если внизу точно Мамай прошел, то здесь сад цветущий – стены картинами расписаны. Линолеум дешевенький, но свежестеленный.

Другая коридорная хлопочет, так и эдак мои документы вертит. Лицо с фото сравнивает. Освещение хорошее, но боится ошибиться – случись чего, влетит-то ей.

Наконец ведет к квартире. Достаю ключи. Вставляю в замок. Поворачиваю. Дверь открывается. Все выдыхают.

Хлопаю Тёму по плечу. Потчую привычной цитатой о пользе вежливости в целях пролетарского взаимопонимания.

Народ рассасывается. Захожу в квартиру. Завтра надо будет в жилуправлении вопрос-таки утрясти.

Внутри скромно, чисто, пусто. С жильем работника центрального аппарата сравнивать глупо. В тех хоромах и обстановка была как в музее. Тоню чуть удар не хватил, когда пришлось съезжать.

Эх, Тоня... Не декабристская ты жена оказалась.

А я что? Раньше столько работал, что домой только поспать приходил.

А теперь смогу так? И надо ли?

Сажусь на панцирную кровать. В углу лежит составной щит, переделанный из старой двери.

Сон – лучшее решение, но постельного белья нет.

В каптерке у коридорной обнаружилась еще сутулая девушка с перекошенным лицом. Дочка. Умственно отсталая.

Прощебетала что-то невнятно, порскнула в подсобку. Вернулась со стопкой белья.

Просмотрел, не отходя от кассы. Простынь, наволочка, пододеяльник. Без пятен, дыр нет.

Коридорная предложила выпить за новоселье.

Отказался. Сказал, что дорогой утомлен. В падлу ли мне с ней пить? В падлу. И не бодрит, не веселит меня теперь водка. Не пьянею – просто вырубает.

По пути обратно остановился у стенгазеты. Заметки примитивные, бравадные, но красиво нарисовано. Есть четкий стиль.

Застилаю постель. Укладываюсь. Усталость – прекрасное снотворное.

Сквозь дрему слышу – гомонит идущая по коридору молодежь. Видать, и с ними придется что-то решать. Но не сегодня.

Утром накрыла тоска. Долго смотрел в пространство сквозь беснующийся будильник. Какая разница, что там, на новой работе? Не уволят, гарантия. Да и подчиненные отдохнут без нового начальника, которому один хрен рады не будут...

А с какого они должны отдыхать?! Там, где меня уже нет и не будет, почти круглые сутки икру мечут, чтобы всем всего хотя бы по минимуму хватало. Всю жизнь подпинавали этих с периферии. А теперь они отдыхать будут? Не потерплю!

Два стакана крепкого чая вприкуску с концентратом. Бритье и холодный душ для бодрости. Почистил зубы и туфли. Теперь я готов рвать и метать.

Кратко ответил на приветствие коридорной. Спустился на три этажа ниже.

Вот и завод по производству концентрата. От проходной в кабинет директора. Секретарша ожидаемо останавливает, просит подождать. Соглашаюсь.

Засаекаю время – да, в знакомстве с непосредственным начальником первый ход не за мной. Но тем яснее мне его намерения.

Десять минут. Выходит. Невысок. Лысоват. Улыбается, глаза настороженные.

Жму руку. Заходим к нему, беседуем. Пал Алексаныч оказывается вполне вменяемым мужиком. Между слов откровенно даю понять, что никого подсиживать не желаю. Немного расслабляется.

Мой отдел – статистический. Болото. Сотрудники назначены по звонкам сверху. Работают, но так, что черт ногу сломит в документах.

Киваю – мой профиль. Намотался с комиссиями по производствам. Знаю, как концентрат третьей категории вторым записывают. Тут директор или взяточник, или растяпа, или просто слабак, тоже по звонку назначенный.

Пал Алексаныч на взяточника не похож.

Ведет в отдел. По пути предупреждает, что никого увольнять нельзя. И допускать ухода по «собственному желанию» тоже.

Уверяю, что от меня не разбегутся. Пусть только попробуют!

Знакомство с коллективом. Дитина с кислой миной без интереса ощупывает взглядом – мой заместитель. Женщины оценивают одежду, обувь. Да, такого нет ни у ваших мужей, ни даже у любовников.

«Погоны» с меня сняли, да мундир остался.

Директор кратко представляет. Дает мне слово. Пожимаю плечами – а чего воздух сотрясать, давайте уже работать.

Даю заместителю задачу принести всю отчетность за позапрошлый квартал. Со входящими и исходящими.

Пал Алексаныч с легким удивлением желает мне удачи. Уходит.

Мой кабинет обставлен новой мебелью, а у сотрудников столы разнокалиберные. Сразу видно расслоение.

Но разбираться в интерьере некогда – приходит заместитель с еще одним работником.

Работника отпускаю, а заместителя нет.

Надеваю очки. Вчитываюсь. Говорю, что без точной статистики не может быть нормального планирования, а без планирования нет социализма. Я в молодые годы спорил с этим, но молодость – недостаток временный. А что, собственно, здесь написано?

Дитина наклоняется над служебной запиской из третьего цеха. Мне как раз хватило, чтобы ухватить его за ухо, не вставая.

Тихо, но нецензурно объясняю, что пока способен различать даты. Я не дурачок из «заряженной» комиссии, чтобы оценивать отдел по прошлому кварталу. Ясен товарищ Красин, что вы загодя все подчистили.

Мне нужен позапрошлый квартал. За прошлые грехи карать не буду, а вот водить за нос меня не надо.

Отпустил ухо. Жду ответа.

Молча ушел. Вернулся. Извинился со льстивой улыбкой. В этот раз принес то, что нужно. Сам.

Хрен с тобой, иди.

Провозился до вечера. Вызвал секретаршу. Дал ей напечатать расписание консультаций с сотрудниками на ближайший семисменок. Пропущу всех «через себя». Сначала с лаской, а потом с особой нежностью.

Когда возвращался на квартиру, встретил группу веселых молодых людей. Похоже, тех самых.

Крепкие, широкоплечие, одеты в пропотевшие спортивные костюмы, точно с тренировки только что, глаза ясные. Галдят, ржут, но без мата.

Присмотрелся, но явного вожака не увидел. Старею, что ли? Пока думал, парни скрылись.

Спросил у коридорной – кто такие? Актив блочный, говорит – в дневную смену блок благоустраивают, вечерами тренируются. Мордovorотов этих комиссар наш пестует. И стенгазета тоже их.

За ужином вспомнил молодость. Мы ведь тоже такими были. Пока жизнь нашу дружную спортивную гурьбу не разбросала. Меня наверх подняло, а ребят...

Сижу на кровати один. Ни есть, ни читать, ни спать не могу.

Выпить?

Представил Бронникова, который без выражения произносит мое имя: «Был человек, человечество, а как попал на периферию, так и спился. Ладно, хрен с ним, что с поставками металлоконструкций?»

Принял упор лежа. Отжимался до упора. Холодный душ. Уснул.

Утро начал с зарядки. Нужно сходить в жилуправление после работы.

До обеда проработал вопросы с тремя сотрудниками.

Первый – Олег, скромный, исполнительный, придаться не к чему. С ним быстро порешали. Взял его на заметку. На таких пахать можно, не забывая иногда премировать и добрым словом подбадривать.

Вторая – Клавдия Семеновна. Престарелая активистка. Полный выводок внуков нянчит. Правнуки не за горами, но продолжает работать. К очередному празднику бал-маскарад затевает.

Между делом узнает мой день рождения и семейное положение. Эх, Клавдия Семеновна, все в вас прекрасно, кроме того, что в любое утро мы вас среди живых можем не досчитать.

Кто привык светить ярче всех, тот и сгорает внезапно.

Третья – Швета. Это существо Светланой я не назову. Ногти длиннее здравого смысла, глаза большие, абстрактно добрые и абсолютно бестолковые, в ушах два гимнастических обруча.

Швета не говорит, Швета воркует. Швета не слушает, Швета обращает внимание. Швета не работает, Швета – самая лучшая. Почему кто-то может быть недоволен Шветой?

С пятого раза до нее дошел смысл моих требований. После третьей попытки разреветься девушка поняла – от работы это ее не спасет. Дал задание до конца рабочего дня. Пометил себе проконтролировать результат.

Отпустил умываться. Побольше поплачет – поменьше попишет. Пока все как по маслу.

В столовой с заместителем обсуждали планы приведения отдела в боеготовое состояние. Болото потревожено, пошел запах.

После обеда четвертая в очереди сотрудница закатила скандал. Показал, что шавки могут быть сколь угодно голосисты, а у бульдога хватка крепче.

Выбежала из кабинета. Вызвал заместителя. Он явился с едва скрываемым торжеством. Вручил ему записку с заданием для беглянки. Сказал, что ответственность за исполнение теперь на нем.

Торжество куда-то исчезло.

Отсылаю за следующей сотрудницей. Встретить бы того, кто женский коллектив цветником или малинником назвал. Я ему засохший кактус с полки скормлю.

Стук в дверь.

Разрешаю войти. Перед глазами появляется молоденькая блондинка в ликвидаторской форме. Показываю «класс» – к маскараду готовность есть. Присаживайтесь, товарищ Авдеева, у меня к вам много вопросов.

Гостья улыбается, показывает удостоверение. Она – комиссар Лагина. И это у нее ко мне вопросы.

Спрашивает разрешения присесть. Садится синхронно с моим подтверждением. На кителе слева у нее две нашивки: золотистая за тяжелое ранение и серо-желтая – медаль «За боевые заслуги». На поясе кожаная кобура с пистолетом.

То ли я возраст разучился определять, то ли молодежь стала раньше времени взрослеть.

Приветливо обращается по имени-отчеству. Напрягаюсь. Знаю я вашу ласку, товарищи комиссары. Сам так умею, но сейчас расклад не в мою пользу.

Лагина уважительно перечисляет мои прежние должности по пути на самый верх ЦК гигаблока. Люди с таким опытом АХТ-88/2 нужны до зарезу. Спрашивает – как я смотрю на то, чтобы взять шефство над молодежным активом? А то у нее уже рук на все не хватает.

Понимаете, говорит, выловить и отстрелять мутантов, культивистов и наркоманов трудно, но дело техники. А вот предотвратить их воспроизводство без убедительной пропаганды социализма нельзя.

Киваю. В ее годы эта мысль действительно может показаться откровением свыше.

Говорит, что от меня потребуется уделять активу не больше двух часов после работы.

Приглашает на вечернюю тренировку в пустой цех. Это даже ближе, чем ко мне домой.

Возиться с молодежью, как полжизни назад, или снова тупить вечером в ожидании неизвестно чего?

Соглашаюсь.

Радует. Перед тем как уйти, Лагина сообщает, что могу не беспокоиться о спортивном костюме – она уже взяла у завхоза один моего размера. Да, с жилуправлением вопрос тоже улажен.

В цеху чистый цементный пол и самодельные снаряды для тяжелой атлетики и акробатики. Все «ржавое», все работает. А вот маты новенькие – борьбой здесь еще не занимались.

Пока Лагина с горящими от восторга глазами представляет меня активистам, глубоко вдыхаю запах качалки. Есть еще в этом мире места, где время течет вспять.

Ребята смотрят без агрессии, но с молодецким вызовом. Мол, покажи, дядя, чего умеешь.

Провожу разминку. Бегаем, греемся, тянемся, но без фанатизма. Наконец вызываю на мат Гребнева – он оказался самым задиристым.

Активист становится в боксерскую стойку. Говорю ему надеть перчатки. Жмет плечами, выполняет указание.

Лагина командует начать спарринг. Сближаюсь, перекрывшись. Гребнев пробивает двойку.

Многие думают, что перчатки смягчают удар. Как бы не так! Правильно забинтованная рука лупит еще сильнее, благодаря фиксации запястья.

Принимаю лбом и предплечьями. Удары жесткие, но не встряхивают. Проход в ноги. Беру на болевой.

Парень обескуражен. Поднимаемся. Комиссар вновь дает сигнал. Сближение, два его удара, мои – захват, бросок, удушающий.

На третий раз активист начал пятиться, почти убежать. Сбросил перчатки, исход тот же.

Перевожу дыхание – все-таки выносливость уже не та. Жму парню руку, улыбаюсь, хвалю поставленные джеб и кросс.

Мог бы сказать сакраментальное: «Хоть боксер, хоть каратист, для борца ты лишь артист», но зачем? Когда полвека проживешь, гормон в голове уже не играет.

Больше никого в эффективности приемов убеждать не пришлось – ребята с азартом слушали и повторяли за мной.

Так минул квартал – пролетело время, Самосбор за Самосбором. На работе всласть воюю с сотрудниками, после – натаскиваю ребят в борьбе. Два раза был с активистами в парадной колонне с флагами на праздники.

Стены штукатурят и потолки красят без меня – там ими бывший прораб руководит. Блок просто не узнать. И даже черная слизь рисунки не портит, точно жалко ей человечьих трудов.

Аня контролирует успеваемость активистов, водит их к культпросветовцам. Алексей – комроты территориального подразделения ликвидаторов – водит молодняк в тир и на полосу препятствий.

Как-то спросил комиссара, нет ли планов у нее с Алексеем создать здоровую ячейку общества?

Некогда, говорит, война идет.

Усмехаюсь – война идет, сколько Хрущ стоит, но ее же родители для всего время нашли.

Молчит. Долго молчит. Соглашается – Алексей уже давно знаки внимания оказывает, наверное следует ответить взаимностью. А надо, значит, надо. Не случайно же в партию бес-семейных не берут.

Смеюсь. Ерошу ей волосы на голове. Ой, дочка, так тоже дела не делаются.

Вспоминаю Антонину, растягиваю губы в улыбке. Это действительно помогает ослабить боль, даже душевную.

В ту ночь я снова без сна ворочался в кровати – прошлое вспоминал и не мог остановиться.

Что утро не задалось, я ощутил, еще не разлепив глаз. Противное чувство усугубили боли в пояснице и коленях. Зарядку не доделал, на работу пришел с опозданием.

Отдел какой-то сонный – пнуть бы, да, если взъярюсь, могу дров наломать.

Заперся в кабинете, такие дни надо на тормозах спускать.

Вызываю Авдееву – она опять не то сдала. Но вместо бестолковой сотрудницы вошла Лагина.

Из комиссара как хребет вынули. В глазах тоска бездонная, будто все беды Хруща разом обозрела.

Ох, товарищ Лагина, рассказывайте, а то смотреть на вас больно.

Вспоминаю про коньяк, который мне на праздник подарили. Бутылка в ящике стола, закуску организовать не долго, но пока не достаю – ситуация еще не та.

Анна подпирает голову локтем, смотрит в угол. Говорит, что прочитала сочинения активистов про свое будущее.

Только двое собираются остаться в блоке. Остальные мечтают получать высшее образование или трудиться на грандиозных стройках далеко отсюда.

Гребнев стремится в сборную гигаблока по боксу. Хочет, как тренер, то есть я, через спорт построить карьеру.

Начинает слегка ныть голова. Спрашиваю Аню – а чего ты хотела? Пополнение для ликвидаторов вырастить?

Лагина сжимает руку в кулак, прихватывая волосы. Говорит, что растила из них новое поколение – надежду на возрождение блока. Людей, чистых душой, готовых улучшать все вокруг себя. Социалистов, в конце концов.

Социализм, говорю, прежде всего предполагает улучшение жизни граждан. А у нас блок третьей категории снабжения. И крашеными стенами норму выдачи концентрата и прочих благ не выправишь.

Потому что из предприятий здесь – только наш завод, пара смежных да прачечная.

Аня спрашивает, а как это изменить? Можно ли здесь развернуть еще производство?

Улыбаюсь. Мой профиль. Рисую на листочке кубик в проекции. Смотри, Анюта, кубик из девяти таких же состоит. Эти девять блоков в одну автономную систему организованы.

Таков план. Наш кубик, центральный, должен остальные снабжать едой и прочим. Но три соседних заброшены в виду аварийного состояния. А два и вовсе забетонированы после неудачной ликвидации. В остальных уровень заселенности не превышает сорока процентов.

Инфраструктура схлопнулась сама собой.

Вот и ответ – нет смысла руководству гигаблока здесь что-то развивать. Ресурсы можно применить более рационально.

Не грустите, товарищ комиссар, отпустите молодежь в далекое плавание. Они вас всю жизнь будут добрым словом вспоминать как первую в жизни наставницу.

Или заприте их здесь, и они быстро опустятся, потеряют мотивацию. И уже через время станут вашими клиентами по части наркоты и запрещенных культов.

Лагина трясет головой. Не хочет верить. Она до назначения сюда успела поучаствовать в репопуляции блока ПТа-908. Там же получилось!

Да, пришлось целую операцию под прикрытием организовать, чтобы через мутанта-людоеда выйти на местный культ с человеческими жертвоприношениями.

Но люди же там вернулись к нормальной жизни!

Усмехаюсь. Потом вздыхаю. ПТа-908, Анюта, это проект товарища Бронникова. Он тогда уже успел забыть, что мой выдвиженец, и переметнулся на другую сторону.

Вот ему для повышения и организовали успех в отдельно взятом блоке. Знала бы ты, какие силы действовали, чтобы все получилось!

Аня, тебе просто повезло оказаться в команде победителей. А сейчас – увы.

Открываю ящик, достаю бутылку, две симпатичные рюмки. Но секретаршу в столовую отправить не успел – Лагина резко встала, хлопнула ладошкой по столу. Взгляд пылает.

Тут я медленно осознаю, кому и что рассказал... За такие откровения и на расстрел отправить могут. Я ж не в ЦК, нет больше волшебных корочек, надо за языком следить.

Анна села обратно. Спрашивает, как можно повысить уровень снабжения блока, хотя бы в теории.

Хмуро убираю выпивку и посуду. Я что ей – волшебник?

Как вариант «на отцепись» отвечаю, что можно, если разместить здесь экспериментальное производство. Чего-то, чего нигде больше нет.

Лагина грустно растягивает по лицу улыбку. Смотрит на меня, я развожу руками. И вспоминаю.

А ведь было такое в одном из забетонированных блоков. Там вкусовые добавки для чая делали. Или собирались делать.

Нет, сегодня работы не будет.

Накидываю пиджак.

Идем в архив.

Документы по экспериментальной технологии никогда не хранятся в единственном месте.

Анюта приободрилась.

Но нам не повезло – нужные папки отсырели и слиплись в ком. Придется делать запрос в центр.

Комиссар бодрым шагом уходит по своим делам, а я устраиваю разнос работникам архива.

Семисменок спустя пришел ответ на запрос – сроки хранения материалов по технологии добавок в чай вышли, и все документы давно уничтожены.

Сообщаю Лагиной. Говорю, что единственное место, где еще можно поискать, – сам забетонированный блок.

Планировка типовая, так что могу указать, где что конкретно должно лежать.

Аня попросила у Алексея бойцов для вылазки. Тот согласился, но сказал, что никуда ее не пустит.

Лагина заявила, что она – комиссар, и как ей смотреть в глаза людям, которых на смертельный риск отправит, а сама останется в безопасности?

Алексей ответил, что на ней же все и держится – и актив, и агентура, и вера обитателей в новую, счастливую жизнь.

Несколько дней ликвидаторы тренировались у меня в отделе – обрабатывали поиск документов под моим руководством. Запоминали расположение помещений и прочего.

Все-таки в единообразии блоков есть плюсы.

Бойцов замотивировали и пламенными речами о возрождении блока, и обещаниями всех благ в пределах разумного.

Пробили межблочную стену, так, чтоб к месту поближе. Группа канула в темноту. Поставили временную пенобетонную пробку.

Вернулись через двое суток. Половина. Без Алексея.

Лагина побледнела, но произнесла речь. Ликвидаторов наградили главблок и директор завода нашего. Пал Алесаныч прослезился, расчувствовался совсем.

Пролетел еще квартал. Дела в отделе наладились, сотрудники привыкли к моей требовательности.

О любви, конечно, речи не идет. Но оно и ясно: маленький начальник – маленькая сволочь. А я недавно был очень большим начальником. И сдуться желания нет.

Руководство блока трижды посылало рацпредложение наверх о начале производства новых пищевых добавок, но верхние инстанции отвечали отказом.

Половина активистов успешно отучились и после выпускного разлетелись по другим блокам. Остальным еще двенадцать циклов.

Лагина осунулась. С молодежью возится, но вместо азарта стало проявляться ожесточение.

Она уже не за светлое в человеческих душах воюет, а против собственного уныния.

Видимся редко, только на тренировках, да и то не всегда.

Ночью приснились жена и сын. Да, они написали в комитет, что отреклись от меня. Но я-то нет, я все еще скучаю. И даже зла не держу – они хотели сохранить хоть какой-то статус.

Что-то из этого даже получилось. Антонине дали не самое плохое жилье и пособие за меня, как за потерянного кормильца. А шалопая Вовку оставили в университете.

Утром долго думал об Ане. Решился на звонок. Попробую разменять остатки своей гордости и человеческого достоинства на исполнение ее мечты.

Телефонистки долго уточняли, куда именно я звоню. Пришлось пройти через несколько подключений, чтобы меня наконец соединили с Бронниковым.

Он охотно ответил на мое приветствие. С участием расспросил о жизни.

Я отшутился, немного побалагурил, даже сказал, что был не прав. И что за дело меня покарали.

Он ласково называл меня по имени, я его – по имени-отчеству. Хотя кто бы знал этого Бронникова, если бы не моя поддержка... Ладно, дела минувшие.

Рассказал ему про технологию, про взгляды на переустройство блока.

Бронников сказал оставаться на линии. Ожидание растянулось на час.

В трубке послышался шорох, и Бронников сказал, что ему нравится моя идея.

Только ее надо немного изменить. На другом конце гигаблока строят новый завод, там и оборудование, и кадры. Там же трудится в должности директора выдвигенец Бронникова – товарищ Смольников.

Надо бы помочь товарищу Смольникову. Нужны ему надежные помощники и прорывные идеи.

Вот и направляет Бронников меня туда со всей сопроводительной документацией по добавкам. С повышением и перспективой восстановления партбилета.

Приказ уже подписан. Жди, мол, к концу рабочего дня. Сроки исполнения – трое суток.

Что-что, а хватка у бывшего протеже отменная. Специалист грамотный, хоть и паскуда оказался.

Приказ был у меня после обеда. Пришел Пал Алексаньч, сокрушался, что жаль меня терять – только порядок в отделе навел.

В смешанных чувствах стал готовить дела к передаче заместителю. Тот не скрывал радости, что наконец-то сядет в мое кресло.

И мне бы пофиг было, но чувствую себя предателем. Как теперь с Аней объясниться? Она же ликвидатор, должна понять, что приказы сверху не обсуждаются.

Но до чего же погано на душе...

На тренировку опоздал. Смотрю – парадное построение. Лагина что-то докладывает активу. Рядом какой-то молодой человек из Культпросвета.

Увидела меня, прервалась. Оказалось, она передает активистов – товарища комиссара внезапно прикрепили к сводной мобильной роте ликвидаторов.

Отправляется Аня далеко, там будет трудно, опасно и почетно. Грех жаловаться.

Последнюю тренировку провели как во сне – ребята очень старались нас порадовать успехами, но не покидало ощущение какой-то искусственности происходящего.

Парень культпросветовский доверия не внушает – ни рыба ни мясо. Ведомый он, а тут лидер нужен.

После тренировки мы с Аней шли по коридору до развилки – ей в казарму, а мне направо и на этаж выше.

Девушка подошла к стенгазете. Провела ладонью по ватману. Мне показалось, что она плачет.

Но Лагина обернулась с совершенно сухими глазами. Хотя в глубине сверкнули крохотные искорки. Не печали, а прежнего задора:

– Силен Самосбор, но я обучена ликвидировать его самые кошмарные порождения. А Партия еще сильнее. И это значит, что победа в нашей вечной войне все-таки будет за людьми.

Крыша

Игорь Лосев

Меня разбудили щелчки. Казалось, радио ехидно цокает языком, предупреждая, что сейчас начнет орать в полный голос. Я со стоном перевернулся на живот, накрывая голову подушкой. Выключать приемник все равно нет смысла. Тошнотворно радостные позывные утренней программы одновременно зазвучали в сотнях жилых отсеков. Голоса ведущих просачивались сквозь картонные стены и сливались в неразборчивый хор. В отличие от Самосбора, от них не спасали ни стены, ни гермодвери. Странно, неужели на все точки передают разную программу? Или, может, некоторые приемники просто выдают звук с запозданием?

Вместе с сотнями работяг в соседних квартирах я заворочался, постепенно возвращаясь в реальность из серого забытья. Формально заглушать радиоприемник не запрещено. Но тем, кто работает посменно, за это влепят неустойки, как несознательным. Я на смены не хожу, на неустойку мне плевать. Но выделяться не стоит. Я фарцовщик, а значит – что чеканы, что ликвидаторы, что просто участковые по этажу могут устроить мне очень веселую жизнь почти за просто так. И, если кому-то вдруг не понравится, что я сладко сплю, когда трудовой народ шаркает подошвами к рабочим местам, хватит одной анонимки, чтобы на меня завели дело за тунеядство.

Стук в дверь.

– Сережа! Ты встал уже? Вставай, пора. Кушать иди, я оладушки сготовила.

Это Вера. В ее возрасте всех уже давно зовут по имени-отчеству, а она для всех просто Вера. Бабулька божий одуванчик. С остальными старухами на лавке у мусоропровода не заседают, на смены не ходила ни разу, сколько я ее помню. Но при этом знает все про всех. И прекрасно умеет уходить от ответа, если спрашивать что-то о ней самой. Ее ко мне подселили по программе уплотнения.

Вообще-то, мой отсек идет как одноместный. Но несколько лет тому назад одно место приравняли к одной семейной ячейке. А так как я не загсован, мне полагалась вот такая одинокая соседка. Поначалу, пока жили в одной комнате, она насмотрелась на мою работу и всю плешь тогда проела, мол, живу неправильно. Как поставил перегородку, стало полегче. Но она до сих пор не оставляет попыток вернуть меня на курс Партии. Так что побудка – это уже традиция. Но есть и плюсы. Готовить Верунчик умеет. Не хочу знать, что она добавляет в корм-брикеты, но ее стряпня и правда ощущается едой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.